

ВСЕМИРНЫЕ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая.

Въ залъ "Уніонъ"
состоится
АНОНСЪ. СОСТОИТСЯ ТОЛЬКО ОДИНЪ КОНЦЕРТЪ

Маріи Ивановны Долиной

Х. К. Яцери П. Яцери

ВЪ ЗАЛЪ НОВОЙ БИРЖИ
Въ этомъ домѣ въ страдѣ

ГАЗЕТА ВСЕМИРНОГО КЛУБА
ОДЕССИТОВ

№ 2 (76).

Август. 2010 год.

Жара в Одессе. Фото Олега Владимировского.

Электронный
справочник:

они оставили след
в истории Одессы
Стр. 8-9

Письма

во Всемирный клуб
одесситов
Стр. 2

Как не заблудиться
в Вене?
Стр. 6-7

Александра
Ильинична,
дочь Ильфа
Стр. 4

Михаил
Обуховский:
признание в любви
Стр. 11

В "Зеленой лампе"
А. Тищенко,
Е. Миленти,
П. Тараненко,
В. Бодылев
Стр. 12

Кто изобрел
олбанский язык?
Стр. 15

Пишет вам одессит, ныне живущий в Лос-Анджелесе, с которыми вы обменивались письмами лет пять назад.

В этом году в Лос-Анджелесе у меня вышли книги: стихов "Вечное движение" и прозы "Спираль жизни". И в стихах, и в прозе особое место занимает одесская тематика. Хочу вам сообщить, что еще задолго до этого здешняя газета "Одесский маяк" присвоила мне звание "Настоящий одессит". Звание шутовское, но и серьезное в некоторой степени тоже. Мне хотелось бы преподнести эти книги Всемирному клубу одесситов. Прощу вас сообщить мне почтовый адрес, по которому я смог бы выслать указанные книги. Заранее благодарен.

С уважением,

Николай Манарев
nshaparev@hotmail.com

Здравствуйтесь!

Хотела вас известить, что издан сборник моих опубликованных в разные годы рассказов и эссе под названием "Асимметрия чувств". В этом сборнике целый раздел — "Есть город, который я вижу во сне", где представлены все мои публикации об Одессе, в том числе "Мой Молом-Алейхем, 40", который включен в большое эссе "Моя Одесса и мой Молом-Алейхем, 40", где я делюсь впечатлениями о посещении Одессы, о встрече с вами, и эссе "Что же такое одесский язык и имеет ли он место быть?". Этот материал выставлен в моем файле в библиотеке Мошкова, и если вам интересно, можете его почитать и перепечатать:

http://lit.lib.ru/m/matros_l_g/esse-5.shtml

Всего самого наилучшего,
всегда ваша

Лариса Матрос
larisamatros@aol.com

Р. С. Посмотрела видеозаписи на вашем сайте. Все чрезвычайно интересно и волнательно. Я искренне желаю вам успехов в этих замечательных начинаниях и проектах.

Здравствуйтесь!

Я ассистент режиссера Сергея Раевского (Москва — Санкт-Петербург). Обращаюсь к вам с просьбой: пожалуйста, помогите найти координаты (адрес, телефон, электронная почта) одесско-сиднейского поэта Юрия Михайлика. Дело в том, что, вероятно, именно он является наследником (преемником) авторских прав писателя Юрия Доль-Михайлика. Новая экранизация его романа "И один в поле воин" зависит сейчас лишь от такой малости, как скорейшее разрешение вопроса об авторских правах. Заранее признательна за помощь.

С уважением,

Дина Богун
in.dina2009@mail.ru

Здравствуйтесь.

Меня зовут Елена, мне 29 лет. Сейчас живу в России — Московская область, г. Пущино. Очень сильно скучаю по своему самому любимому городу! Я раньше не понимала, что приезжие находили в нашем городе, почему говорили, что у нас живут очень хорошие, добрые и отзывчивые люди. А сейчас понимаю! Столкнувшись с другими людьми, я почувствовала себя, как будто приехала из Ботан забытой глубинки, почувствовала себя проституткой! Здесь действует закон — никому не помогай, себе дороже! Вот так!

В общем, у нас в Одессе таки действительно живут самые хорошие люди на свете! Скрючу...

Елена Левкович
A-lisaT@yandex.ru

Здравствуйтесь!

21 марта состоялось заседание Ванкуверского клуба одесситов — я издана президентом. За основу взят устав вашего клуба. На заседании рассказывала о впечатлениях от встречи Нового года, о книге Валерия Исааковича. Мне очень приятно было слушать слова восторга ванкуверцев от беседы с Валерием

Хайтом на нашем радио. Думаем над встречей уже на ванкуверской земле.

Всего хорошего.

С уважением,

Патьяна Стафеева
sergshaykov@gmail.com

Здравствуйтесь, дорогой Клуб!

Не знаю, имею ли я право писать вам... ибо исторически не имею отношения к Одессе — москвичка в физ знает каком поколении, и Москву люблю, знаю и живу здесь. Но! (Как это слово "но" порой бывает страшным, или наоборот — спасительным!...)

Но с детства, не знаю, почему и отчего, я всей душой тянусь к Одессе. Читаю о ней, жадно смотрю фотографии, фильмы, слушаю о ней, думаю, пишу стихи... Мне отчетливо кажется, что в прошлой жизни я жила здесь, ну нельзя так любить город, о котором с детства знаешь только его имя, правда?..

Впервые побывала (наконец-то!) дома, в Одессе, в 22 года, месяц назад... И не знаю, как теперь жить, когда уже прикоснулась к счастью... Я очень люблю Одессу, и там у меня есть приятели, знакомые, друзья, которые говорят порой, что истиннее одессита, чем я, не видели, наверное, потому что я стараюсь знать не меньше других, стараюсь быть ближе хотя бы мыслями...

Пожалуйста, примите меня в Клуб! Я не подведу!

Меня зовут Ольга Матвеева, пишу стихи, учусь, иногда работаю, пока не могу найти свое дело в жизни, да и в Москве хорошему человеку, особенно местному, это не так легко, — но я не плачу, никогда не плачу, есть у меня другие интересы! И я учусь, я не могу иначе! Все потому что я — сердцем из Одессы...

С уважением и трепетными чувствами,

Оля
olich10@bk.ru

Уважаемые администраторы ресурса "Всемирный клуб одесситов"!

Не могли бы вы сообщить мне электронный адрес Виктора Корченова, опубликовавшего на вашем сайте статью "Творцы науки побеждать"? В ней описаны события, в которых принимал участие и мой прадед Павел Маркович Андрианов (1877-1918). В 1904-1915 гг. он служил в Одессе (сначала в Штабе Одесского военного округа, а с 1909 г. преподавал в Одесском военном училище). П.М. Андрианов был секретарем Одесского отделения Императорского русского военно-исторического общества, он участвовал в поездке в Румынию на место установки памятника Суворову в 1909 г. и был там при установке памятника. У меня дома сохранились две памятные медали, посвященные установке этого памятника, — светлого металла и бронзовая.

Я восстанавливаю биографию П.М. Андрианова. Кое-что удалось сделать (см. <http://impr.gtpar.ru/persons/persons.html?id=1117>). Возможно, у В. Корченова есть какие-либо материалы, в которых я мог бы найти фотографии прадеда, или же соображения о том, где подобные фотографии найти. Пока что я нашел в Российском государственном архиве кино-фотофокументов два снимка (групповых), на которых П.М. Андрианов сфотографирован во время встречи преподавателей и юнкеров Одесского военного училища с Николаем ТТ в Ливадии (апрель 1914 г.).

Я был в Одессе позанпрошлым летом, нашел дом, где П.М. Андрианов жил с семьей в 1904-1909 гг., церковь, где крестили моего деда, и бывшую гимназию, в которой он учился (ныне Институт МВД). Был и в здании Одесского военного училища (на углу Французского и Итальянского бульваров, теперь там военная часть).

Наверное, я мог бы написать для вашего ресурса очерк о прадеде, если, конечно, вы сочтете это возможным. Вещь значительная часть его жизни прошла в Одессе.

С уважением,

Алексей Станиславович Наумов,
доцент географического ф-та МГУ
Москва

Р. С. Забавно, как я обнаружил ваш ресурс: вчера только вернулся из Румынии, где был на научном семинаре. Из-за "выканических проблем" не мог улететь из Бухареста и поехал по земле — на маршрутке в Кишинев. Проезжал мимо описываемого памятника. И решил по возвращении порыться в Интернете. Кстати, проехал и по тем местам, где генерал-майор П.М. Андрианов сражался осенью 1917 г., за что был награжден королем Румынии орденом "Звезда Румынии" и "содатским" Георгиевским крестом (редкая ситуация — кавалер "офицерского" ордена Св. Георгия за бм 1916 г. под Луком и Георгиевского креста за Румынию одновременно!).

А. Н.

Дорого времени суток, дорогие друзья!

Меня зовут Виктория Васильевна Зиякина. Я родилась в славном городе Ленинграде. Так сложилось, что между нашими замечательными городами пролегла граница, но, к счастью, это не отняло у меня возможности посетить Одессу. Это случилось в июле 2009 года.

Я с наслаждением вспоминаю это время. Город меня покорила сразу и навсегда. Это чистая правда. А более всего меня поразило то, что я не ощущала себя находящейся в "чужом" городе. Мне было уютно, спокойно и радостно.

Я очень люблю фотографировать. В Одессе мне удалось сделать немного неплохих снимков, так что я с большим удовольствием готова опубликовать их на сайте клуба. И вообще, я снова хочу побывать в Одессе!

А знаете, что мне более всего запомнилось в Одессе? Одесский трамвай. Всего за 1 гривну можно проехать через весь город и все это время с упоением слушать, о чем говорят одесситы. Леатр комедии отдыхает... Такие речевые обороты более не услышишь нигде. И еще до глубины души меня поразили женщины Одессы. Вне зависимости от возраста — это женщины!

Господа! Я обращаюсь к вам с просьбой принять меня в члены Клуба. К письму прилагаю свое фото для членского билета. Посмотрите в эти глаза! Вы же как истинные gentlemen не допустите, чтобы в них стояли слезы горечи и отчаяния, вызванные отказом в моей просьбе?

С уважением,

Виктория В. Зиякина
vziakina@mail.ru

Письмо от дочери Е. Матусевича (Севастополе) в ответ на публикацию на сайте клуба в рубрике "Они оставили след в истории Одессы" материала о героической судьбе моряка-одессита Ефима Матусевича.

Этот же материал опубликован в CD-диск "Они оставили след в истории Одессы", выпуск которого планируется ко Дню города (сентябрь 2010 года).

Уважаемый Леонид!

У нас в Севастополе День Победы прошел очень торжественно, народу было море, такого даже на 50-летие Победы не было.

Низкий вам поклон и огромная благодарность от всей нашей семьи, особенно от моей мамы. Она смотрела на экран и плакала. Все написано правильно, четко, ясно. Это достойная память на годы. Мы очень благодарны вам, благодаря таким подвижникам все хорошие дела делаются, и нашему родному городу Одессе (я тоже одесситка, и одна из моих дочерей окончила Одесскую консерваторию).

oladis.r-o@mail.ru

Уважаемый, Леонид,

Надеюсь, что после прочтения моего послания к вам и всей Одессе вы ответите мне, и мы будем "дружить дворами" (шутка), шоб я так жила. Просто я имею вам что сказать.

Всего вам доброго,

Любовь Цымбалова,
Москва
scorpions13@list.ru

Здравствуйтесь, Леонид и вся Одесса.

Вот уже 15 лет как я не живу в этом любимом мною до глубины души городе. Одессу просто нельзя не любить.

Время прошло, а как будто еще вчера: иду по Приморскому бульвару и пою песню: "Ах, Одесса...". Я теперь живу в Москве, но частичка Одессы всегда со мной. Это мои дети: сын и дочь. Одесса не только родина моих детей, она родина моей души. Это были самые чудные годы моей жизни: с 1980 по 1995. Но потом поступалась в дверь Перестройка (чтоб ей было пусто!). А одесситы, гостеприимный народ, не смогли ей отказать в приеме. Встретили, как всегда, с юмором.

Так вот в этот перестроечный период в авторском клубе я познакомилась с талантливым поэтом-песенником Романом Лейдерманом. Как говорят, оказалась в нужное место в нужное время. Роман дал мне несколько своих текстов, на которые я написала музыку. Так родился музыкальный альбом "Две чертовьи дюжины новых песен "За Одессу", который был записан на Одесской киностудии. Но Роман на этом не остановился. Он заложил все свое золото в лавдард и поехал в Москву, для того чтобы зарегистрировать авторство в Ассоциации производителей фонограмм "Бекат". А также выпустить тираж сборника "50 новых песен за Одессу". И все это совпало с 200-летием г. Одессы. Вот таков был вклад в юбилей Одессы-мамы. В песнях отражен весь черныи юмор Перестройки и патриотизм одесситов. Разумеется, и без любви не обошлось. Например:

"Нас Перестройка малость подкосила,
Не каждый сын и в модное одет.
Но чтоб не смочь кинуть цветы для мамы —
Простите, но таких в Одессе нет".

Или:

"Хоть порою думать жутко,
что старшеешь ты, родная,
Двести лет — совсем не шутка,
но спасуи тебя, я знаю:
И грузинское веселье, и украинское сало.
И российское пахелье,

и еврейское начало".

Единственный город в России, который является интернациональным по духу. И вот за это тоже я люблю Одессу.

Да, Перестройка подкосила и мою судьбу. Теперь я живу не в Одессе-маме, а в Москве-мачехе. Поэтому что Москва не каждого жалеет видеть у себя (кого-то на руках носит, кого-то в карман засунет и прикажет не высовываться, а кому-то просто даст пинка и пошлет куда подальше). Какая там Россия, какая Украина, Одесса — это не город, а отдельное государство, маленькое и уютное.

Моя душа незримой нитью повязана с Одессой. Говорят, что время лечит... неправда.

Прощу вас принять меня во Всемирный клуб одесситов. Я вам еще пригожусь. А пока я пытаюсь здесь организовать маленький клуб одесситов "Одесский дворик", где будут собираться все одесситы, живущие в Москве (на сегодняшний день эмигранты). Нам есть что друг другу сказать и чем друг друга поддержать. Я сейчас разрабатываю план работы этого клуба. Если вы поддерживаете мою идею, я обязательно вышлю его вам на подтверждение.

Очень буду благодарна вашей поддержке и рада ответить на мое послание.

С любовью ко всем одесситам,

Любовь Цымбалова
scorpions13@list.ru

Добрый день!

Прощу принять меня в члены Клуба одесситов на том основании, что мне очень нравиться Одесса.

Дроздов Михаил Эдвардович,
Санкт-Петербург
Коротко о себе не могу. А длинно вот так:

www.drozddor.com
mih@drozddor.com

Мария ЧЕРТКОВА Дом с осликом

Более полувека назад старинный двухэтажный дом был большим. Маленькой была я.

Дом и сегодня хранит серьезный, строгий, значительный вид, хотя его, как и меня, время немного изменило. Удивительно, но сохранились и старинные ворота с чугунными завитушками, среди которых просматривается дата — 1888 год. В дни нашего детства ворота открывались днем — только толчки рукой, а вечером — нажми кнопку звонка и приготовь плату за вход строгому дворнику.

Не все обитатели дома зависели от настроения дворника: угловой дом частью фасада смотрел в переулочек, где имелись парадные подъезды, двери которых не закрывались вовсе. А мы, живущие в фасадной части, были обладателями сразу двух почтовых адресов. И двух входов в квартиры: парадного и черного. В тамбуре черного хода, открыв внешнюю дверь, люди частенько выставляли примуса, позднее — керогазы. Легендарным стало в наше семье похищение из тамбура кипящей выварки с бельем. Я

и сегодня не могу понять, как можно было утащить выварку?! Это вам уже не кража "закипающего во дворе самовара" из дома № 5. Там сначала пропали ворота, а наши, как известно, стоят по сей день. Правда, мама вначале схватилась за сердце, а потом смех сразил всех наповал.

Детские игры наши чаще происходили во дворе, но и переулочек терпеливо принимал ватагу веселой детворы. Среди веселья и забав я дважды получала ранение головы, причем, честное слово, случайно. Голова была обычных размеров, но почему-то именно в мой лоб угодила никелевая тарелочка из игрушечного сервиза, которую рассеянно метнул в никуда Илья Буркун. Он был старше, с мелкотней не знался, а угодил снарядом в цель — в мелкотню. А потом соседский Вовка для интереса камни бросал, меня рядом не было, но камень нашел мою макушку. От вида крови, текущей через висок, я чуть не хлопнулась в обморок. Зато потом мысленно благодарила Вовку: в школе я прослы-

ла героиней, да еще и белая повязка на ма-нер шапочки-менингитки так украсила тем-новолосую девочку.

Одно из любимых воспоминаний связано с пекарней, которая размещалась в подвале фасадной части дома.

Поколения жильцов сменялись с тех пор не раз, и теперь уже сменились окончательно.

Где сейчас найдешь человека, которому можно задать вопрос: "Помнишь ли ты наш дом с осликом?". "Иных уж нет..." Никто не откликнется на пароль "дом с осликом". Скорее всего, никто и не вспоминает ослика, как вспоминаю его я, проходя мимо ворот или подъезда, где была наша квартира № 4. А ведь ослик был трудяга, он не ленился, не упрямился, работал не покладая ног. Утро начиналось с "иа-иа", это слышали все, а увидеть серенького могли не все: ослик подвозил тележку (или телегу) аккуратно к нашим окнам в переулочке. На тележке белели мешки с мукой. Ослик и тележка, припудренные мучной пылью, терпеливо ждали появления грузчиков. Грузчики, сказочные богатыри, покрывали голову треугольниками разрезанных мешков и приступали к работе.

Мешки плавно съезжали по наклонной доске в подвал под нашим окном, лица грузчиков и их капюшоны покрывала белейшая "пудра". Не припомню ссор или ругательств,

грузчики ловко и весело перетаскивали мешки круглый год изо дня в день.

Они еще успевали отвести поклон и на-править комплимент в адрес моей бабушки, которая неизменно появлялась у окна с зер-кальцем, чтобы на свету поправить при-ческу-корону (кстати, из собственных гус-тых кос).

Возница и ослик отдыхали, выполнив ра-боту. Ослик был спокоен и задумчив. Может быть, грустен, и наверняка серьезен.

Все действие завершалось невероятным, неповторимым ароматом выпеченного из привезенной муки хлеба и самим хлебом, пу-шистым, с хрустящей корочкой. Нарушая все правила, нам продавали свежий, круглый и горячий, как солнышко, хлебушек. Так ослик и грузчики, и пекари, и мы попадали в круговорот волшебства — рождение хлеба!

Хлеб! Вот что так связывало нас, соседей по дому № 20 по улице Коблевской и № 2 по Новобазарному переулочку. Хлеб был добрым, как живое существо. И мы, дети, принимая его от пекарей, становились добрее, са-ми того не понимая.

Город я не сменила, а адреса менялись. Но во сне ко мне приходит почему-то только тот старенький двор, друзья моих детских игр, скромный ослик с добрыми глазами.

И волшебный хлеб моего детства!

Валентин СКУРЛОВ

Правнучка Фаберже

Из всех потомков большой семьи ювелира Карла Густавовича Фаберже лишь один человек продолжил его дело в XXI веке — правнучка Татьяна Федоровна, гражданка Швейцарии, ныне живущая во Франции.

В Киев Татьяна Фаберже приехала в четвертый раз. Впервые она побывала в столице Украины в 1965 году — по турпутевке вместе с мамой, которая в те годы работала в ООН. Следующие визиты пришли на 1990-е годы. В каждый свой приезд Татьяна Федоровна видела совершенно новую страну. Да и для ее матери посещение родины было в диковинку: семья уехала из России, когда ей было четыре года.

Прекрасный русский язык, скромность, хороший вкус и трезвый ум — о дворянке Татьяне Фаберже можно говорить только в превосходной степени. Правнучка легендарного ювелира знает пять языков. Более 30 лет (Правильно, 38 лет, с 1957 по 1995. — В. С.) проработала в Международном центре ядерных исследований CERN. Общалась с Сахаровым, Александровым, Патеном. Два года работала в Ливане. 15 лет, с 1956 по 1971 год, вместе с отцом Федором Агафоновичем занималась ювелирным делом.

— Татьяна Федоровна, кроме вас в вашем роду кто-нибудь занимается искусством?

— У одной внучки есть дизайнерские наклонности, но ничего из этого не получилось. Сегодня потомков нашего рода около двадцати человек, они живут в Бразилии, Финляндии, Англии, и я — во Франции. К сожалению, из большой семьи бразильских Фаберже никто не пошел по художественной линии. Брат отца (Петр Агафонович, 1902-1970. — В. С.) ничего не рассказывал своим восьмерым детям о России, о деде и бабушке. Они даже не знали, что у них есть родст-

Татьяна Федоровна Фаберже

венники в Швейцарии. У людей, переживших начало революции, начало войны между белыми и красными, остались очень тяжелые воспоминания. Практически наши родственники прятались в бразильских джунглях — в 80 км от Сан-Паулу. И дядя специально

своим детям ничего не рассказывал, даже в школу не пускал, не хотел, чтобы слушали радио и новости. Для него, наверное, увиденное в 1917 году было шоком.

— Как случилось, что ваша семья потеряла торговую марку "Фаберже"?

— Наш "друг" Арманд Хаммер сам зарегистрировал ее в Америке (На самом деле, в США с подачи Хаммера марку зарегистрировал друг Хаммера Самуэль Рубин в 1944 году, когда в Европе шла война. — В. С.). Он просто сказал, что Фаберже больше нет. Затем продал свое дело за очень большие деньги. Предпоследним владельцем марки был "Юнилевер", выпускавший зубную пасту, дезодоранты, все что хочешь. Потом, в начале 2007 года, права купил британский инвестиционный фонд Pallinhurst Resources, давний известный добычей бриллиантов в Южной Африке. Они хотят развивать марку "Фаберже" на высоком уровне, а не выпускать всякий ширпотреб.

— Татьяна Федоровна, вы специально работали в стиле Карла Фаберже?

— С моим отцом Федором Агафоновичем мы пытались делать и что-то другое, но все получалось, как Фаберже. Сегодня эти вещи регулярно встречаются на аукционах. В прошлом году на "Сотбис" (На самом деле, на лондонском аукционе "Бонемс". — В. С.) продавался наш медведь из горного хрусталя. На его малахитовом постаменте написано "Федор Фаберже", хотя эту надпись мы не делали. Значит, кто-то доделал.

Мой отец имел право ставить клеймо "Фаберже". И рядом ставил свой инициал "Федор Фаберже". Так вот, инициал стирали и продавали произведение под старого Фаберже. Мы это не сразу обнаружили. Надо было вещи фотографировать. Всего мы с отцом сделали 600 предметов, а сфотографировали только 200.

— У вас сохранились собственные ювелирные украшения?

— Ничего не осталось. Ювелир все делает на продажу. Семейных вещей тоже почти нет. Все, что осталось по наследству, — кресло, стулья и диван. И драгоценностей нет. Моей маме в 1912 году подарили цепочку с маленькими пасхальными яичками: такие украшения были очень популярны с 1880-х годов по 1918-й, пока их не стали считать предметом религиозного культа. На каждую Пасху женщинам дарили пасхальные яички. И если, например, на цепочке их собиралось 25, было видно, что ее обладательница очень любила. Такие украшения женщины носили в период с Пасхи до Троицы. Это была очень хорошая традиция. Сегодня никто такие украшения делать не умеет. Эту драгоценность у меня украли — прямо у меня в доме.

— Карл Фаберже был экспериментатором. Как вы думаете, если бы он работал сегодня, — тоже облагораживал бы бриллиантами сотовые телефоны?

— Как только появилось электричество, он делал настольные лампы, звонки, часы. Это было очень прогрессивно с тех времен. Кроме него часы начал делать Картье, но на 10-15 лет позже. А настольные часы Фаберже, за которыми охотятся коллекционеры, сегодня продаются за полтора миллиона долларов. Или вот, например, рамки для фотографий работы Фаберже — из-за них у губернаторов и мэров больших городов России какой-то психоз. Если у тебя нет рамки от Фаберже на рабочем столе, это все: ты — не человек! А рамка стоит хороших 150 тысяч долларов.

— Мало кто знает, что Фаберже — фамилия не совсем настоящая. Это тоже эксперимент предков?

— Во Франции предки Фаберже в далекие годы были Фабри, потом стали писать Фабрие, и только затем — Фаберже. В Санкт-Петербургских справочниках за 1854 год один раз было написано: Фаберж, другой — Фаберже. Но поскольку в те годы модно было называться французскими ювелирами, Густав — отец Карла Фаберже, открыв мастерскую, предпринял маркетинговый ход, изменив фамилию на Фаберже. А Фабер — это латинский корень, что означает "мастер".

Белла КЕРДМАН КОФМАНИАНА

Имя Валентина Кофмана читателю, возможно, запомнилось: в январе 2006 года была опубликована в Израиле, а затем и в "Вечерней Одессе" посвященная ему статья — "Барельеф на улице Еврейской". А спустя два года, когда открылись новые подробности о жизни и трагической гибели этого легендарного человека, вышла еще одна публикация: "Валентин и Севаслав". Сегодня же событийным поводом для возвращения к теме послужила недавно полученная информация: именем В.С. Кофмана, главного хирурга Приморской армии, трагически погибшего в 1942-м в Севастополе, названа одна из улиц в новом районе этого города. Причем на сей раз речь у нас пойдет не только о династии одесских врачей. Могучее родословное древо Кофманов, в семи поколениях, с которым познакомил меня живущий в Израиле внук и тезка знаменитого хирурга, само по себе представляет огромный интерес. Ну, хоть приключенческий роман пиши!

Напомню о содержании предыдущих публикаций. На доме № 50 по ул. Еврейской в Одессе семь лет назад появилась мемориальная доска с барельефом человека в армейской гимнастерке, со шпалами в петлицах и орденом Красной Звезды на груди. В мрамор врезаны слова на украинском языке: "У цьому будинку з 1919 по 1940 рік жив учасник оборони Одеси та Севастополю, головний хірург Приморської армії, доктор медичних наук професор Валентин Соломонович Кофман. (1901-1941)". Сейчас в этом доме районная прокуратура, а в довоенные годы его занимала известная в городе семья медиков. (Между прочим, израильянина Валентина Кофмана-внука, который, посетив Одессу, захотел зайти в знакомую с детства квартиру, туда не пустили.)

Отец военврача высокого ранга, Соломон Владимирович Кофман тоже был врачом, профессором Одесского медицинского института, одним из пионеров нового для своего времени направления: фтизиоортопедии. Вместе с сыном Валентином, тогда начинающим медиком, он основал в своем городе уникальное (думаю, и по нынешним меркам) заведение: Дом увечного ребенка, где больничку совместили с санаторием для детей-инвалидов, перенесших костный туберкулез. Медиком была и мать семейства Сима Леонтьевна. До того как сестра на студенческую скамью, их сын Валя успел повидать жизнь. В 14 лет он сбежал из дому и без денег добрался до госпитали в Турции, где служил отец (шла первая мировая война). Потом комиссарил в гражданскую...

Потомственный врач и ученый Валентин Соломонович Кофман прожил всего 46 лет. Он был расстрелян в июле 1942-го захватившими Севастополь фашистами вместе с несколькими другими врачами-евреями. Их убили именно потому, что они были евреями. Однако же военврач Кофман, главный хирург Приморской армии, как раз в то время в том месте находиться никак не должен был! Просто он отдал свой литер на посадку в самолет (один из последних на Большую землю) фельдшеру, которая в последние дни обороны города родила в бункере 35-й батареи, где содержались тяжело раненные, сына. Мать с младенцем улетели, доктор остался со своими пациентами, которых эвакуировать не успели. Просто...

А что же тот мальчик, жизнь которого В.С. Кофман спас ценой собственной жизни? Такой вопрос в марте 2007 года задал один из участников известной передачи российского ТВ "Жди меня", рассказавший эту историю. И тогда старейший севастопольский журналист Май Залманович Бабушкин нашел в архиве свою старую публикацию, где сообщалось, что имя новорожденному выбирали вместе с матерью ее подопечные батареи, и решили в честь героического города назвать его Севаславом. После войны мать с сыном вернулись в Севастополь. Повзрослев, человек с редким именем Севаслав работал на местном почтамте. Потом следы его затерялись...

Чтобы довести до нашего времени линию героев двух предыдущих статей, надо сказать, что у погибшего в Севастополе легендарного хирурга остался сын Лев Валентинович Кофман, который также стал врачом и проживает сейчас в Одессе. Его старший, живущий в Израиле сын, названный в память деда Валентином, — инженер. Младший же, остающийся в Одессе Юрий, унаследовал фамильную профес-

сию, стал врачом (в 5-м уже поколении, если считать двоюродного прадеда, Самуила Кофмана!). Это внуки "человека с барельефа". И есть уже его правнучки: Светлана Валентиновна и Виктория Юрьевна. Первая — программистка, крутая спортсменка и красавица — сейчас путешествует по миру. Вторая, тоже прелестная девушка, окончив в Одессе университет экономики, приступает к работе по специальности. Три года назад местные наши Кофманы — Валентин с женой Ольгой, главным на сегодня держателем семейных реликвий и документов, дочкой Светланой и гостившей у них племянницей-одесситкой Викторой — побывали у меня дома. То есть наше знакомство, вначале виртуальное, стало реальным.

Теперь — о протяженном во времени и пространстве фамильном древе Кофманов (более двухсот лет; Россия, Франция, Австралия, Израиль и даже Китай). На старей (1900 г.) одесской фотографии три молодые, красивые и нарядные женщины — это сестры Гуревич; четвертая, похоже, их мать. Сестры представлены, как принято на Западе, с именами и фамилиями мужей. Нас интересует старшая, м-м Эва Лейбов Кофман. При ней трое детей: Залман-Фишель, Элизабет и Борис. Они — потомки Лейбуша, родного брата старшего из "моих" Кофманов, фтизиоортопеда Соломона Владимировича (Вольфовича). Обратим особое внимание на младшего из этих детей, Бориса, — на снимке мальчику года три-четыре, он выступил вперед из семейной группы, ноги прочно расставлены, лицо серьезно, крепенький такой малыш. И это от него пойдет особый "привой" к еврейскому древу Кофманов, удивительный и даже невероятный.

Борис Кофман родился в Одессе, учился в Императорском лицее. Ему было 13, когда умер от чумы Лейбуш Кофман, отец. В октябре 1916 года этот молодой человек был призван в российскую армию юнкером, после службы поступил в университет. А в 1920-м, когда денкиныцы спешно покидали Одессу, Борис бежал с ними во Францию, где к тому времени уже проживали старшие брат и сестра. А доктор Соломон и его 19-летний тогда сын Валентин остались в Одессе, они были "за красных". Ситуация для революционного времени типичная: брат на брата!

Первым делом эмигрант Б. Кофман столкнулся с проблемой гражданства: из советской уже Одессы не выпускали нужные ему документы. И только через восемь лет, по декрету самого президента Франции, он становится ее гражданином. В возрасте 31 года. Заметим, что Кофман и во Франции Кофман, даже без гражданства: Борис не сидел без дела в ожидании. Окончил в Лионе инженерные курсы, специализировался в области измерительных инструментов и открыл авторемонтный гараж. А между делом вступил в легкие романтические отношения с Жоржет, сестрой механика своего гаража.

И тут — внимание, читатель! — завязывается некий живой узелок, будущий "привой" для еврейского родового древа Кофманов. Борис жениться не спешил, вернее сказать, не собирался, даже расстался с возлюбленной. А тем временем Жоржет, девушка католического вероисповедания, обнаружила, что беременна. Узнал или нет Борис, что она привела на свет сына, неизвестно: жизнь его внезапно оборвала автокатастрофа. Машина перевернулась и взорвалась, ее хозяин выкатился на дорогу пылающим факелом, как писала местная газета. И в той же газетной информации сообщалось, что 3 августа 1934 года состоялось отпевание покойного в католическом храме, на котором присутствовали только члены семьи. Вероятно, это были его сестра Элизабет и брат Залман-Фишель, которого теперь звали Теодор, со своими близкими. Они ведь покинули Одессу еще до революции, о чем свидетельствуют документы, найденные французским историком со знаковой в данном случае специализацией: генеалогист. И он, этот специалист по родословным... да, из Кофманов, хотя носит другую фамилию. Я ее назову в следующем абзаце, ибо этот человек станет сейчас одной из ключевых фигур нашей Кофманианы.

Его зовут Оливер Тома (Tomas). Он сын того мальчика, который родился у Жоржет в Лионе в 1934-м, как раз на Пасху, и потому мать назвала его Паскалем. Когда погиб

Борис, младенцу было четыре месяца. Вскоре 27-летняя мама сбывала его на руки своей матери, а та определила ребенка в приют. И только через десять лет, выйдя замуж за хорошего человека, Жоржет разыскала сына. И тот хороший человек, Жан Шарль Тома, усыновил ее незаконнорожденного первенца, дав ему свою фамилию. А генетически мальчик ведь был Кофман! Паскаль Борисович, если по-русски. Возможно, он никогда бы об этом не узнал, если бы не сын Оливер, профессиональный, как я уже сказала, генеалогист. Между прочим, мой грамотей-компьютер подчеркивает это слово в тексте красным — мол, ошибка. Однако в Google оно есть и переводится на русский язык как "родослов". Так вот, Оливер, 43-летний французский еврей (по деду), знает сегодня о Кофманах больше всех. И сам он по характеру уж такой Кофман, что дальше некуда! Решительный, настойчивый. Ну, и вполне авантюрный, в одесских предках. Это он разыскал в Израиле семью Валентина Львовича Кофмана.

А поиски своих еврейских корней Оливер начал с того, что в 1992 году заказал морской круиз и оговорил для себя опцию — недельную остановку в Одессе. "Интурист" пожелание клиента выполнил, его даже поселили в семье, где владели французским, ведь по-русски месье не знал. Это была та еще авантюра, я жила в ту пору в этом городе! При пустых магазинах и полупустом знаменитом нашем Привозе: крестьянам не на чем было привезти в город продукты. С наступлением темноты мы не выходили из дому — на улицах постреливали, в темном подъезде могли прибить ломиком.

Возможно, французский генеалогист не вполне понимал меру опасности своего предприятия, однако оно ему удалось. Плотно поработав с помощью переводчицы в одесских архивах, Оливер добрался до пятого поколения своих предков. Прабабушку своего деда он обнаружил в пригородном селе Маяки, куда, оказывается, в начале XIX века по приглашению Екатерины Великой прибыли с немцами-колонистами несколько еврейских семей. И там 15-летней еврейскую девочку по фамилии Колонтай выдали замуж за 13-летнего еврейского мальчика по фамилии Кофман. Умер тот мальчик рано, однако успел произвести четырех детей.

Со временем Кофманы переместились в Одессу, где сначала были мелкими торговцами, а затем и крупными negociантами: торговали лесом и зерном. А с расцветом в нашем городе Хаскалы, еврейского просвещения, из их среды стали выходить врачи, фармацевты, инженеры. Оливер выявил и вторую линию своей родословной — от Александра Горвица, одесского рантье 1803 года рождения, чья старшая дочь Хава и стала м-м Эвой Лейбов Кофман, матерью Бориса. Того самого, что сбежит с денкинками во Францию, погибнет в автокатастрофе, не оформив брака с матерью своего ребенка, и будет похоронен по католическому обычаю. Кстати, дошлый Оливер тщательно обследовал церковные записи во Франции, но следов перемены вероисповедания своим дедом, иудеем Борисом Кофманом, не нашел. Да, есть свидетельства о переходе в католицизм Теодора и Элизабет, родных брата и сестры Бориса, а вот насчет некоего самого ничего подобного не имеется. Зато нашел Оливер запись о том, что обрезание младенцу Борису в положенный срок сделал одесский раввин Меерович.

Паскаль, отец нашего генеалогиста, передал Оливеру фамилию своего отчима: Тома. А также полученное от него и матери христианское вероисповедание. Он воевал в юности в Алжире, вернувшись во Францию, занимался бизнесом, женился, разводился... Сейчас Паскаль живет в отеле в Лионе. Но! Он купил место в синагоге, зажигает по субботам свечи и надевает кипу. В маленьком ресторане, где он обедает за одним и тем же столиком вот уже двадцать лет, Паскаля называют "Мсье шапка", так он в свое время представился, — рассказали нашим израильтянам, Ольге и Валентину Кофманам. Но я думаю, точнее будет "Мсье кипа". Старый человек объяснил такую свою причуду: он не уверен, что знает точно свое имя, ведь десять детских лет был никому не нужен...

Об этой своей поездке Ольга и Валик рассказывают с восторгом. О том, как искренне рады были им Оливер и вся его семья,

какой теплый у них дом. И как глубоко этот француз знает свою (а следовательно, и их) родословную: фамильные документы и фотографии собраны у него в фолиант толщиной около 30 сантиметров! Знакомая гостей с городом, Оливер показал им место, где был гараж его деда, Бориса Кофмана, и дом, где тот снимал квартиру. Съездил с ними на кладбище: могилы предков, в том числе Бориса, ухожены, памятники и цветники в образцовом порядке.

Тут надо заметить, что первой в декабре 2007 года побывала во Франции Светлана Кофман, тогда капитан наших ВМС. Она с подружками решила встретить Новый год в Париже, и мама посоветовала позвонить родственнику, который недавно нашел их через Интернет: возможно, он приедет и покажет девочкам свою страну. Новый родственник оказался человеком эмоциональным и теплым, гостя-израильтянка провела в его доме два незабываемых дня. Познакомилась с Амалией, женой Оливера, с его отцом Паскалем и тремя дочками, которым он славную фамилию Кофман дал третьим именем (или это вторая фамилия?): их зовут Марго Ноэми Кофман Тома; Валентина Леони Кофман Тома и Селестина Эмма Кофман Тома. Красивые воспитанные девочки.

А совсем недавно личное знакомство репатриантов из Одессы Кофманов со своей родней приросло еще двумя супружескими парами, живущими также в Израиле. У тех, правда, другие фамилии: Смущкович и Фарбер. Первые проживают в Рамат-Гане, вторые — в Афуле. Общались с ними на русском языке. Дело в том, что Смущковичи прибыли в Израиль из Харбина, где была когда-то большая культурно развитая российская колония. А Фарберы — из Уфы, однако бабушка, дедушка и мама Геры, главы семьи, также из харбинцев. Родовые корни этих родственников, естественно, ведут в Одессу. А в Китай попал в свое время один из Кофманов — Мирон Владимирович, родной брат одесского профессора-фтизиоортопеда Соломона и родной дядя легендарного профессора-хирурга Валентина. И этот Мирон был тот еще Кофман!

Как его занесло в Китай? О, это отдельный "сипур". Мирон, красавец и сильная личность, был любимцем своей мамы Леи (отец умер, когда мальчику исполнилось восемь лет). Учился он в Дерпте, стал фармацевтом. Долго не женился, и тогда мама взяла дело в свои руки, подобрала ему, уже 30-летнему, приличную невесту. И вот на свадьбу (или на обручение) собралось человек 300 гостей, а один из них, некий дантист, явился с очаровательной рыжеволосой дамой. И жених тут же, со свадьбы (или обручения), сбежал с этой красоткой, за что мама лишила его наследства.

С рыжеволосой красавицей они не ужились, и она через пару лет вернулась к мужу. А Мирон отправился на Дальний Восток, вступил в действующую армию — началась русско-японская война. И, видимо, особо там отличился (как и следовало ожидать от Кофмана). Он даже стал фаворитом Ксении Романовой, сестры последнего русского царя: Великая княгиня наградила его медалью Св. Анны, званием "Почетный мещанин" (дворянский титул еврею был никак не положен) и подарила землю в Манчжурии. А также... свой портрет.

Он все-таки женился, этот упорный холостяк, — на своей кузине. И развратил в Харбине прибыльный бизнес: создал самый крупный в Китае пивной завод. А в 1932 году трагически погиб — в результате криминальной, как теперь бы сказали, разборки. По заказу японских мафиози, его похитили и пытали, вынуждая этот завод продать, Мирон скончался от сердечного приступа. А потомки его, "китайские Кофманы", расселились по белу свету — кто в Австралию, кто в Америку, а кто в Израиль. Трагическая судьба постигла часть из тех, кто поддался на советскую пропаганду и вернулся на родину предков: по пересечении границы у них отобрали имущество и заслали на гибель в просторы Гулага...

Остается сообщить последние события Кофманианы. Светлана Кофман, отслужив в армии и с отличием окончив университет, по традиции молодых израильтян отправилась в длительное путешествие по земному шару. Как сказано выше, эта девочка — серьезная спортсменка, даже экстремалка, как все настоящие Кофманы. Ее родители переслали мне сейчас видеоклип: тонкая фигурка, прыгающая на эластичном тросе с высокого моста вниз, к морским волнам, и взмывающая обратно к мосту — это она, Светочка. Снято в Новой Зеландии. Когда я получила этот клип, она уже была в Непале.

И еще новость: недавно семейство родственников из Лиона пополнилось четвертой девочкой. Ее назвали Евгенией Кофман Тома. И пусть это будет еще одним событийным поводом для возвращения к теме Кофманианы.

Валерий ХАИТ

Александра Ильинична — дочь Ильфа

Впервые я встретился и познакомился с Александрой Ильиничной Ильф в Санкт-Петербурге на одном из первых фестивалей "Золотой Остап". После церемонии награждения победителей изящными (в стиле "Оскара") статуэтками великого комбинатора я оказался на банкете за одним столом с двумя милыми интеллигентными женщинами и, помню, сперва никак не мог понять, какое отношение они имеют к фестивалю. Представившись и услышав в ответ: "Саша Ильф и Катя Катаева", — я обомлел. Дочь Ильфа и внучка Евгения Петрова сидели передо мной. Ильф и Петров из своего легендарного далека мгновенно приблизились, можно было рукой достать...

Я разлился соловьем, тут же кинулся их развлекать, понимая, что несую полную чепуху. Катя одобрительно улыбалась, Александра Ильинична тоже смотрела на меня благосклонно, что, безусловно, свидетельствовало о ее природной доброте и снисходительности. После этого мы еще не раз встречались уже с одной Александрой Ильиничной на "Остапе", ходили вместе на всякие запланированные организаторами встречи и фуршеты, снова я ее с переменным успехом пытался поселить, и снова она в силу природной интеллигентности была ко мне вполне милосердна.

А потом в 1997 году случился столетний юбилей Ильфа, и мы встретились с Александрой Ильиничной уже в Одессе просто как старые друзья. С ней, как и в момент знакомства, было очень легко, но ощущение чего-то невероятного, того, что Ильфа Ильф — вот он, рядом, что он ее папа, и не исключено, что с минуты на минуту тоже может здесь появиться, не проходило. Он и появился, но в образе очень похожего на него внука — сына Александры Ильиничны (между прочим, тоже Ильф), специально прилетевшего на столетний юбилей дедушки в Одессу из Израиля.

Об открытии мемориальной доски на доме, где родился Ильф, я написал тогда в журнале "Фонтан" репортаж. Привожу его полностью...

СТАРОПОРТОФРАНКОВСКАЯ УГОЛ СТАРОПОРТОФРАНКОВСКОЙ

Пятнадцатого октября в Одессе отмечали столетие Ильи Арнольдовича Ильфа. А началось все с автопробега. Колымаги в стиле ретро привезли к дому № 137 по улице Старопортофранковской, где родился Ильф, гостей праздника — дочь писателя Александру Ильф и его внука Илью Кричевского, а также известного киносценариста, режиссера и скульптора Резо Габриадзе и нынешнего классика жанра Михаила Жванецкого.

Громко и вдохновенно заиграл муниципальный духовой оркестр. Весело звеня, из-за угла выехал украшенный цитатами из Ильфа и Петрова старый одесский трамвай, в котором приехали на праздник герои знаменитых романов. При большом стечении народа, состоящего, в основном, из жильцов окрестных домов, всегдагдаев находящегося по соседству Привоза, а также фото-, теле- и просто журналистов, прошло торжественное открытие памятной доски, посвященной юбилею.

Доска получилась красивая и элегантная. Таков же на ней был и Ильф Арнольдович Ильф.

Звучали речи. Блестяще импровизировал Михаил Михайлович Жванецкий, которого одесситы просто замучили просьбами об автографах.

А вот диалог, услышанный в толпе:
— Что за доска? Кому?
— Да вот сто лет Ильфу исполнилось.
— Ильфу? Ну и почему нужно было ждать сто лет?!

Командовал же парадом, как и положено, Остап Бендер, который не только открыл торжественное юбилейное заседание, но и объявил в момент его завершения, что оно продолжается.

В два часа дня почетных гостей принимал мэр. По их рассказам, встреча была хоть и краткой, но теплой. Мэр шутил, дарил подарки и фотографировался на память...

А в три часа дня в Одесском литературном музее открылась выставка, посвященная "100+95-летию Ильи Ильфа и Евгения Петрова". Выставка тем более замечательная, что готовили ее сотрудники музея практически на одном энтузиазме. Который, как известно, у нас по-прежнему самый голый в мире.

Не успело пробить полседьмого вечера, как гости и зрители уже заполнили фойе и зал Украинского театра, где им была предложена большая и веселая юбилейная программа.

Остап Бендер царил и здесь. Его зычный командорский голос и точные жесты обеспечивали всему действию стремительность и завершенность. Балаганов и Паниковский составляли турецко-подданному идеальный фон. А если к этому добавить, что сквозное действие время от времени прерывалось выступлениями детских танцевальных коллективов, то восторг зрителей и родителей становится особенно понятным.

Юбилейные торжества продолжались в Одессе и на следующий день. Так, вечером шестнадцатого октября состоялось расширенное заседание Всемирного клуба одесситов, на котором дочь и внук знаменитого писателя были приняты в почетные члены клуба. Гвоздем вечера стало выступление президента ВКО Михаила Жванецкого с чтением новых, только что написанных в Одессе произведений.

Кстати, родился Жванецкий рядом с Ильфом, буквально за углом от его дома, и что удивительно, тоже по улице Старопортофранковской, в доме № 133. Да, господа, Старопортофранковская улица продолжается в этом месте в Одессе под прямым углом. И этот угол, видимо, какой-то особенный. Там есть, кстати, еще несколько домов, в которых наверняка уже родились либо очень скоро родятся новые одесские гении...

И вот с этого дня, с 15 октября 1997 года, когда, кстати, вышел первый номер журнала "Фонтан", мы подружались с Александрой Ильиничной по-настоящему, виделись уже не только в Одессе, но и в Москве, она стала постоянным нашим автором, дарила нам право первых публикаций из своего архива, присылала уникальные тексты и фотографии, — словом, нам жутко повезло. А потом я побывал у нее дома, узнал, какую огромную ношу она взяла на себя, решив подготовить к изданию неизвестные материалы из наследия отца и его соавтора. Причем приступила она к этому именно после одесского юбилея Ильи Ильфа, когда, устав ждать от так называемых ильфопетрововедов каких-то шагов в подобном направлении, решила сама заняться этой сложной работой.

Она писала об этом так:

Меня постоянно просят поделиться воспоминаниями об отце, забывая или не зная, что он умер, когда мне только что исполнилось два года. Сохранилось всего несколько фотографий, где я с ним. Он боялся брать меня на руки, чтобы не заразить туберкулезом.

Не помня его, я жила памятью о нем. Но я чувствовала себя только "дочерью" и не считала себя вправе стать наравне с исследователями творчества Ильфа и Петрова. Они рассматривали меня только как источник информации, которую я не могла им предоставить.

Но когда в 1997 году было отмечено столетие Ильфа, я почувствовала, что нужно действовать...

И вот сегодня читатели имеют счастливую возможность увидеть и прочесть замечательные книги из наследия Ильфа и Петрова, которые вышли в свет исключительно благодаря усилиям Александры Ильиничны. Среди них и уникальное полное издание знаменитых "Записных книжек" Ильфа, и восстановленные в первоначальном виде великие романы

"Двенадцать стульев" и "Золотой теленок", и опять же полное издание "Одноэтажной Америки" с фотографиями Ильфа, и дополненные и превращенные в книгу записки Евгения Петрова "Мой друг Ильф", и, и, и...

"Дочь Ильфа и Петрова" — так в шутку представляется иногда Александра Ильинична, цитируя некую журналистку, восторженно спросившую ее: "А правда, что вы дочь Ильфа и Петрова?". Не очень, видимо, начитанную девушку можно понять: для нее Ильф и Петров казались одним человеком — ИльфПетровым.

Хотя со временем обнаружилось, что в этом комическом сочетании есть и другой смысл. Причем совсем не комический, а очень серьезный. Согласитесь, что теперь, после проделанной А. И. титанической работы, дочь Ильи Ильфа вполне может считаться и дочерью Евгения Петрова — настолько бережно она отнеслась не только к их общему наследию, но и к литературной работе каждого. Вот, кстати, еще одно убедительное доказательство этого: недавно в Москве состоялась презентация подготовленных к изданию А. И. двух больших отдельных томов Ильи Ильфа и Евгения Петрова.

Отдельно хочется сказать о работе Александры Ильиничны над темой "Ильф — фотограф". Ее усилиями, на мой взгляд, открыт целый затерянный континент в творческой биографии писателя. Сохраненные с помощью А.И. Ильф многочисленные негативы и небольшого формата фотографии отца смогли "дожить" до чудес компьютерной эпохи, что в результате явило нам работы уникального фотохудожника, которые, кстати, впервые были опубликованы в одесском журнале "Фонтан".

Помню, когда Александра Ильинична привезла в Одессу реанимированные через 70 лет с помощью компьютерной техники большие фотографии Ильфа, я оказался свидетелем такой сцены. Мы — Юрий Рост, Резо Габриадзе и я — в номере у А. И. Сидя в кресле и подняв очки на лоб, великий мастер фотографии Рост внимательно рассматривает снимки. Над ним стоит великий художник-график Габриадзе и делает то же самое. Резо говорит:

— Это Родченко!

На что Юра тут же:

— Это лучше, чем Родченко!

Готов заявить под присягой — это было!

На сегодняшний день благодаря усилиям А. И. уже выпущены два великолепных альбома с фотографиями Ильи Ильфа, выставки с экспозициями этих фотографий несколько раз устраивались в США, их видели в Израиле, в Одессе, множество раз в Москве.

И все это время продолжали выходить подготовленные А. И. книги классиков.

В доме Александры Ильиничны есть специальная полка с этими книгами. Я ее много раз видел и каждый раз удивлялся, как быстро она пополняется. Сегодня там уже не хватает места. Придется заводить еще одну...

Двенадцать лет отдала Александра Ильинична этой работе. Всего двенадцать лет! Но за это время был исследован, изучен и подготовлен к изданию огромный массив литературного наследия Ильфа и Петрова. Объем этой высокопрофессиональной самоотверженной работы поражает. Даже простое перечисление сделанного А. И. вызывает удивление. Такое, как нам представляется, под силу разве что целому институту. С колоннами, со штатом сотрудников, со швейцаром. А она все это сделала и продолжает делать сама.

Между прочим, в проклинаемые многими времена за такую работу могли бы и какую-нибудь премию дать. А то и орден. Впрочем, А. И. человек скромный, вся эта мишура ее интересует мало. Поэтому нетрудно представить ее удивление, когда в ноябре 2008 года раздался звонок — нет, не из Кремля, не из департамента какого-нибудь государственного, а из популярного Московского комического театра "Квартет И". Звонок с приглашением обязательно прибыть на юбилейный концерт "Квартета" в Театр эстрады. Удивление А. И. еще больше возросло, когда во время юбилейного представления со сцены прозвучало, что в честь своего пятидесятилетия "Квартет И" решил учредить премию "Великое смешное" и счастливым первой ее вручить Александре Ильиничне Ильф, как написано в дипломе, "За выдающийся вклад в изучение и сохранение литературного наследия Ильфа и Петрова". Я при этом тоже присутствовал и помню, как был рад за А. И. и за то, что ее выдающийся труд был оценен именно молодыми, к тому же добившимися в этом сложнейшем жанре — жанре юмора — потрясающего, причем без всяких скидок, успеха.

Конечно, в том, что Александра Ильинична решила ввязаться за эту сложнейшую работу, сыграла роль и ее основная профессия, по которой она — литературный редактор. Но не только, не только...

Рано лишившись отца, совсем его не помня, она всю жизнь интересовалась им, хотела понять, каким он был, этот человек — Ильф Ильф. Сначала из рассказов мамы Марии Николаевны, а затем в процессе все более глубокого изучения их с Петровым литературного наследия она все больше узнавала его. И этот изначальный интерес к нему, к тому же, уверен, и подспудное, почти бессознательное желание восполнить отсутствие отца в своей жизни, все больше переходили в настоящую, пусть и окрашенную печалью, искреннюю любовь к этому так рано ушедшему удивительному человеку.

Недавно Александра Ильинична прислала мне свою статью об отце. Статья поразительная, по нынешним временам просто невероятная: столько в ней нежности к Ильфу, гордости им, любви.

С Одессой — родиной Ильи Ильфа и Евгения Петрова — у Александры Ильиничны отношения тоже вполне родственные. Многолетнее плодотворное сотрудничество с Одесским литературным музеем, постоянное авторство в журнале "Фонтан", частые встречи во Всемирном клубе одесситов, искренняя дружба с одесскими исследователями и знатоками творчества Ильфа и Петрова, регулярные приезды на Юморины и День города — сделали А. И. своим человеком в Одессе. Что и было, в частности, подтверждено вручением ей в день 110-летия Ильи Ильфа "Ордена за заслуги перед городом". И этот факт, насколько я знаю, так А. И. обрадовал, что даже главная ее черта — скромность — стала ей чуть-чуть изменять: очень она любит этим орденом похвастаться, сама мне в этом признавалась...

Эх, подумал я недавно, жаль, что сейчас кризис! А то вполне можно было бы обратиться с ходатайством к нашему горсовету о выделении Александре Ильиничне Ильф за ее бескорыстную заботу о наследии наших великих земляков, за искреннюю любовь и верность Одессе небольшой, скажем, однокомнатной квартиры. Чтобы она имела возможность почаще бывать и жить в Одессе — в городе своего отца, принесшего нашему городу вместе с другими легендарными одесскими поистине мировую славу...

В Европе всё рядом. Никакого сравнения с русскими и украинскими просторами! Сел на поезд в Праге, полтора часа, — и перед тобой Дрезден. Не хочешь в Дрезден? Тогда поезжай в другой поезд — через четыре часа ты уже в Вене!

Можно двигаться таким манером и дальше. Совсем рядом с Веной — Зальцбург, это понятно. А вот то, что Вена и Венеция находятся в восьми часах друг от друга, — совершенно удивительно!

Думаю в следующий раз заглянуть в Венецию. Хотя и при слове *Зальцбург* ощущаю легкое головокружение.

Вена и австрофилы

Перед началом путешествия мне вспомнилось одно славное семейство. Девочка Саша, с которой мы поступали в Институт иностранных языков, чтобы штудировать немецкий, рассказывала, что ее родители и брат просто обожают Австрию. Когда они слышат слово *Австрия*, то замолкают и прилипают к телевизору. Они произносят *"Австрия"* с придыханием! Они мечтают однажды оказаться там. Они смеются над собой из-за этой страсти, но ничего не могут поделать.

Не знаю, добрались ли мои австрофилы до Австрии.

Но их мания сыграла свою роль в тот день, когда Дрезден и Вена решали между собой, на чьи красоты мне любоваться.

А еще вспомнился сосед по Фонтану Илья Степанович, который весной 1945-го въехал в австрийскую столицу на танке. Чудесный душевный старик. Давненько я его не встречала...

Два билета до Вены

Итак, на Центральном вокзале в Праге мне выдали два билета. Один действует на территории Чехии, второй на территории Австрии. Чешский действителен в течение трех дней, австрийский в течение недели. Ни на одном не стояло времени отправления, садись в поезд, когда удобно, благо они идут через каждые два-три часа. Чешскому проводнику надо показывать чешский билет, австрийскому — австрийский. Поехали!

В городе Брно чешские проводники надели

Яна ЖЕЛТОК

Прогулки по Вене

свои фуражки и покинули поезд. Громкоговорители попрощались с пассажирами и пожелали счастливой дороги.

Навстречу мчались поля с гигантскими устрашающими ветряками. За ними пошли симпатичные дачки. Крошечные домики с микроучастками, отгороженные друг от друга выстриженными из кустарника заборами. Внутри — живописное хвойное дерево, мангал, надувной бассейн и парочка детских радостей типа пластиковой горки или игрушечного трактора. Летом взрослые жарят тут барбекю и сосиски, их отпрыски плескаются в бассейне, а когда приходит вечер, вся компания погружается в автомобили и возвращается в город, потому что заночевать в столь крошечном домике можно разве что одному.

Австрия поздоровалась со мной, когда в купе вошел новый проводник и сказал на отличном хойдойч:

— Ihre Fahrkarte, bitte! (то бишь: "Ваши билеты").

(В исполнении его чешского коллеги это выглядело примерно так: "Пржи-пши-пржич-ш, пани".)

Ура! Теперь можно стать участницей бесмертного диалога:

— Bitte schoen! (Вот пожалуйста-пожалуйста!)

— Danke schoen! (Ну, спасибо-спасибо!)

Где мой отель?

Собственно, говорить на немецком мне пришлось гораздо интенсивнее, чем я ожидала. Почему-то казалось, что Вена — городишко ма-а-а-лю-ю-юсенький! Который легко обойти пешком.

Наш друг Евгений Деменок, на собрании "Зеленой лампы" услышав, что я собираюсь в путешествие, предложил нарисовать карту Вены. И нарисовал за пять минут! Причем там были и Стефансдом, грандиозный готический собор в самом центре Вены, и улица Мариахильфер, рядом с которой стоит моя гостиница, роскошный музей Истории искусства, памятник Советскому Солдату и Ринг, кольцо вокруг исторической части города, по которому движутся первый и второй трамваи.

Карта Жени Деменка еще раз подтвердила мою догадку о том, что еду я в город небольшой.

А значит, достаточно точного адреса, чтобы найти гостиницу. Поэтому страницу с броней я распечатала, а страницу с пояснениями, как добираться туда из разных точек, — не стала.

Уже в поезде я обнаружила, как ошиблась. Вена — огромный многоэтажный город.

Хорошо, что венцы, привыкшие к толпам туристов, отвечают на вопросы подробно и терпеливо, а на станциях, где останавливаются международные поезда, есть окошки "Информация". Кроме того, там имеются очень полезные справочные офисы, отвечающие за движение по железной дороге.

Все равно в тот день мне пришлось огоршить человек двадцать названием маленького переулка, который я искала.

О чем говорит венский индекс

Интересно, что рядом с венским адресом всегда — даже на сайтах в Интернете — стоит индекс. В Вене 23 округа, и первые две цифры индекса указывают округ, в котором находится дом. В Вене я поняла, что индекс — вещь, которая может быть полезна не только почтальону, но и обычному человеку.

"В Вене два миллиона жителей, поэтому я не знаю названия всех переулков, но судя по индексу, переулок находится в 15 округе, значит, вам нужно сесть на 18 трамвай", — объяснил мне венский житель и махнул в сторону остановки.

18 трамвай

В Одессе 18 трамвай идет на Большой Фонтан. Леонид Утесов спел в свое время об этом маршруте: "В твой дальний край идет трамвай, и весь твой путь до шестнадцатой станции". "Случай в 18 трамвае" — рассказ, который написала Яна Желток. В Праге 18 трамвай идет по Старому Месту. Увидела его и порадовалась.

На остановке "Южный вокзал", рядом со входом в Бельведер, я села в венский 18 трамвай, а он возьми да и нырни под землю! И вот уже третью-четвертую-пятую станцию мы едем под землей, по тем же самым рель-

сам, по которым идут вагоны метро и междугородные поезда вроде того, на котором я добралась сюда. Движемся в трубе, в темноте, в вене.

Белочка в хаки

Пора бы снова спросить. Но где выйти? Объявили следующую остановку: Айхенштрассе.

"Айхен" по-немецки дуб, *"айххёрнхен"* — белочка. Я решила, что если выйти на Дубовой улице, велика вероятность встретить Добрую Белочку, которая покажет дорогу. Так и случилось! Правда, Добрая Белочка оказалась лысой, долговзлой, в золотых очках и в форме цвета хаки!

Но все по порядку.

Кто-то из местных открыл мне, что на каждой станции метро в окошке сидит "мужчина, который знает все".

Человек в хаки, сидящий за стеклом лицом к народу, был занят важным делом. Перед ним лежала яркая, как альпийский лужок, пластиковая дощечка, помидор и кусок ветчины. Он уже занес над розовым мясом свой острый треугольный ножик, когда перед его взором возникла с криками о помощи пишущая эти строки я. Гастрономическое удовольствие, а с ним и статью о жирафах, которая красовалась на столе, пришлось оставить. Человек пригласил меня войти.

Неожиданно я оказалась на теплой кухне. У стены — кухонные шкафчики, над ними — труба отопления, на столе в глубине сцены — еще один журнал, на этот раз для взрослых, не с жирафом, а с томной девицей. Вау.

На кухне было тепло, на улице — холодно, поэтому я сразу почувствовала себя чудесно в Вене. Человек в хаки достал книгу с названиями всех улиц. Он искал название переулка так долго, что я начала подозревать: моего переулка не существует в принципе. Жить мне сегодня под мостом! Но нет. Нашлось название. А вот и квадрат на карте, где расположился переулок. Наконец, и сам он отыскался, с боку-припеку. В самом конце Мариахильфер, рядом с Западным вокзалом.

Еще человек в хаки рассказал, что туристы — не главная его забота, а одна из многих, ведь он отвечает за все дела на станции.

Мы распрощались, Добрая Белочка вернулась к своей дощечке и наконец-таки отпилила себе ломтик ветчины. Guten Appetit!

Спроси велосипедиста

Последний человек, которому я назвала адрес в это день, был велосипедистом. Вена — город велосипедистов. Руководство Вены наметило к 2015 году довести количество велосипедного транспорта до 8%. Мариахильферштрассе — самая "велосипедизированная" улица Вены. Тут 20% всего транспорта составляют велосипеды.

Моя гостиница находилась как раз рядом с Мариахильфер. Увидев велосипедиста, я решила: "Раз человек приехал на велосипеде, — он должен приблизительно ориентироваться в местных переулках". И решительно двинулась к парнишке, который прикручивал велик к стойке. Велосипедист действительно знал, где!

В гостинице я познакомилась с юной соседкой Камико из Токио, которая жевала сендвич и рассматривала большую карту Вены (только что на ресепшн мне выдали точно такую, ура!). Нашла свою кровать. Поставила под нее запасную пару кроссовок и отправилась на встречу с прекрасным.

Рассматриваю Брейгеля

Один из друзей настоятельно советовал посетить в Вене Альбертину. Альбертина — это самое большое собрание графики в мире. Среди великолепного великолепия именно там сидит нежнейший зайчик Дюрера. Пыль с тончайших волосков его мордочки сдувают специальными щеточками. Единственная очередь, которую я лицезрела в австрийской столице, выстроилась рядом с Альбертиной в воскресенье.

Если бы в одесской Горьковской библиотеке была книга про Альбертину, я, возможно, последовала бы совету того, кто понимает. Но в библиотеке мне выдали книгу про Музей истории искусства.

И сразу стало ясно, что жизни нет без это-

го музея. Попасть туда надо обязательно и пойти туда надо сразу. Потому что там живет Питер Брейгель-старший с его "Детскими играми", "Вавилонской башней" и "Охотниками на снегу". Плюс Рафаэль, Рембрандт, Тициан, Рубенс, Дюрер и даже одно полотно Вермеера.

Протопаив по усаждающей шопперов улице Мариахильфер, запомнив пару книжных магазинов и несколько рюкзачков на витринах, я добралась до площади Императрицы Марии Терезии. Среди куличиков в два человеческих роста, выстриженных из кустарника, по левую и правую руку императрицы стояли и глядели друг на друга Музей естественного и Музей истории искусства. Дворцы настолько роскошные, что к финалу их строительства в конце XIX века государственная австрийская казна опустела. Зато появились мраморные лестницы с мраморными же скульптурами, гранитные стены и росписи Климта где-то под потолком. В центре Музея истории искусства — под куполом — стояли столики, между которыми плавали официанты в крахмальных фартуках. Лучики света выхватывали в полумраке букетики цветов, сахарницы и салфетки. В этом кафе ужасно хотелось прилуниться.

Однако я пришла сюда, не для того чтобы пить кофе! А зачем? Этот вопрос несколько раз возникал перед моим путешествием. За чем в принципе надо идти в музей, если все картины есть в книгах и в Интернете? Ответ довольно прост. Цвета и оттенки на репродукциях в книгах никогда или почти никогда не совпадают с оригиналом. Многие детали просто-напросто исчезают на фотографиях.

Зато тот, кто нашел "Охотников на снегу" и замер перед полотном, будет вознагражден. Каждый — чем-то своим. Подарком для меня стал взгляд одной из собак, которая остановилась и умными глазами вперились в наблюдателя. Ни на одной открытке, ни на одной репродукции не видно этих глаз!

В Музее истории искусства я встретила папушу, который путешествовал по огромному дворцу с двумя крошечными сыновьями. Одному было года два, второму — лет пять. И вот старший, проходя насквозь залы, наполненные шедеврами из коллекций Габсбургов, повторял, обращаясь к отцу:

— Wiederkommen! Wiederkommen!

То есть "Придем снова, надо прийти снова!".

Вот и я теперь хожу и вспоминаю: видеркоммен, видеркоммен. Надо вернуться. Надо вернуться.

Комната для девочек, где живут путешественницы

Надо сказать, что поселилась я не в отеле, а в хостеле — гостинице для молодых путешественников. Хостел похож на плацкарт, — двухъярусные кровати и полно "пассажиров" — по шесть, десять, двенадцать человек в небольшой — метров пятнадцать — комнате. Мне повезло, я забронировала место, а потом заснула в комнате для восьми девочек. Здесь были четыре двухэтажные кровати, шкаф хранения для ценностей и душ с туалетом за стеной. Ночевка в комнате стоит пятнадцать евро. Забронировать местечко можно через Интернет, правда, для этого нужна банковская карточка с выпуклыми циферками.

Мне казалось, что ночью часть кроватей должна остаться свободными. Не тут-то было! Одна за одной все многонациональные девочки вернулись с прогулок, все койки на двухъярусных кроватях заполнились.

Перед сном соседки мои не разговаривали.

Кто-то читал. Кто-то смотрел в компьютер. Часов в десять улеглись. Моя соседка сверху — Камико из Токио — уже давно спала, укрывшись одеялом с головой.

Всю ночь девочки вздыхали. Что-то падало и шелестело. Кто-то умудрился поставить будильник на шесть. Будильник пропичал, хозяйка не проснулась.

Мы с Камико поднялись в семь, чинно раскладываясь около душа и спустились к завтраку.

Сверяю маршрут

На воскресенье я наметила утренний поход на блошинный рынок Нашмаркт, дом Хундертвассера и Бельведер. Пара книжных и рюкзаки тоже оставались в плане.

И тут — после овсянки с большим количеством фруктов и кофе с молоком — оказалось, что в воскресенье в Вене работают только музеи! Девушка на ресепшн несколько раз повторила невероятную фразу: "Alles ist geschlossen!" — "Все закрыто!".

Так я осталась без блошиного, книжного и магазина с рюкзаками. Ничего не поделилась, по воскресеньям венцы тотально отдыхают!

Кривые полы Хундертвассера

Фридрих Стовассер — венец и наполовину еврей — чудом уцелел во время войны. Он жил с мамой, его тетю и бабушку фашисты сожгли в печке. Сын был для Эльзы Стовассер всем. При этом мама много лет пыталась отвести сына от профессии живописца. "Будешь всю жизнь голодать, если станешь художником!" — повторяла она снова и снова. В 19 лет сын удрал от мамыши в Париж, где действительно голодал. Ходил в гости пообедать и просил разрешения расстелить спальный мешок в углу на кухне, чтобы поспать. Выпрашивал у знакомых мелкие монетки, которые не тратил, но копил. Ходил с баночкой от фотопленки и просил знакомых наполнить баночку сахаром или маслом. Никто не отказывал. Месяцами питался чечевицей. Искал краски на помойке. Через пять лет такой жизни Хундертвассер дождался до первого контракта с галереей. Он купил старый автомобиль, дом без отопления во французской глуши и нарисовал плакат со словами: "Купил машину и дом, занимаясь ремеслом художника". С этого момента успех преследовал человека, который из Фридриха Стовассера превратился в Хриденсрайха Хундертвассера.

Он писал манифесты, освежающие архитектуру. Считал, что наравне с людьми жилищами домов должны стать деревья. Утверждал, что долг каждого человека — посадить лес. Сажал деревья тысячами и уже в Париже начал выкупать (!) обремененные на вырубку растения. Рисовал разноцветные здания с кривыми — как в природе — полами и "танцующими" окнами разной величины.

Что из этого вышло? Множество веселых и пестрых построек — жилых домов, фабрик, детских садов и общественных туалетов — с пазухами колоннами и золотыми куполами в Германии, Австрии, Японии и Новой Зеландии.

Дом Хундертвассера на Лёвенгассе в Вене — самая популярная достопримечательность города. Во всяком случае, такой плотности туристов нет ни в одном другом месте австрийской столицы. Интересно, в десяти минутах ходьбы по берегу Дуная, расположилось еще одно здание, сделанное по проекту Хундертвассера, — KunstHausWien. Внутри на трех этажах — музей Хриденсрайха Хундертвассера. Забавно, что тут не наблюдается никакой толчеи! Туристов совсем мало, про музей им почему-то никто не рассказывал. Заговор экскурсоводов?

По поводу кривых — как в природе — полов хочу сказать, что ходить по таким полам на каблуках чрезвычайно неудобно!

Объявление для собак

Вернувшись в Одессу, я стала вспоминать, а были ли в Вене кошки? Одесский воздух наполнен мыслями о кошках, а может быть, мыслями кошек. Кошки захватили Одессу. Возможно, это сами кошки хотели узнать про венских коллег. Кошек в Вене я не встречала.

А вот собак было много. И в основном, крупных.

Ожидая на конечной трамвай маршрута "0", на котором можно добраться от Дома Хундертвассера и KunstHausWien до Бельведера, я увидела объявление для... собак. Оно висело на двери парикмахерской на уровне человеческой лодыжки. Две симпатичные собаки на картонке и текст: "Нам не разрешено сюда входить!".

"Как трогательно здесь относятся к собакам!" — решила я.

Das ist ein Labrador!

На одной из остановок трамвай номер "0" задержался. К трамваю торопилась компания с мороженым — две девушки и маленький мальчик. Успели! Расселись, довольные, на ближнем к выходу сиденье. Присмотревшись, я поняла, что одна из девушек — красавица-брюнетка — мама двух других пассажиров. Трамвай помчался, показывая дворцы в классическом стиле, строгие семи-восьмиэтажные здания. Среди зданий на пару секунд сверкнула красно-оранжевая церковь с золотыми куполами. Русская православная церковь — ни дать ни взять родная сестра собора Василия Блаженного.

На следующей остановке в трамвай нулевого маршрута с усилием поднялась старушка в плаще. Испуганно громко ойкнула. Потому что вслед за ней запрыгнул, толкнув старушку своим сытым боком, лабрадор.

Пес махал хвостом. Вокруг лабрадора носа был накинута поводок, который совсем не мешал ему улыбаться.

Мальчик у входа поднял ноги, скривился и запищал, указывая на собаку. Пес не обращал на него никакого внимания, тем более что в бок собаки уперся коленом ее хозяин — человек в бейсболке и спортивной куртке.

Старушка повернулась и предъявила свою претензию — собака без намордника!

— Das ist ein Labrador! — бодро ответил хозяин.

Мама мальчика поменялась местами с дочерью. Мама, как хищная птица, готовая атаковать, глядела на собаку.

— Das ist ein Labrador! — снова повторил хозяин.

Тут в дискуссию вступили сразу несколько пожилых дам. Интересно, что все они говорили на немецком с турецкими и арабскими акцентами. Про то, что вот же обнаглели собачники! С такой здоровенной тушей! Чуть не сбил старушку! — да еще без намордника набиваются в трамвай.

Мальчик пищал и кривился!

Народное волнение нарастало.

Посрамленный собачник и его бодрый пес выпрыгнули из трамвая на следующей остановке.

Через секунду я увидела абсолютно спокойного мальчика. Как ни в чем не бывало, он дожевывал свое мороженое.

Не думаю, что старушки успокоились так же быстро.

Как написал наш товарищ Павел Пепштейн:

Бросишь камень в малыша,

Всплкнет и успокоится.

Бросишь камень в старика,

Вообще не успокоится.

Орать в музее!

Навстречу промчался 18 трамвай. Я вышла на остановке "Южный вокзал", рядом с которым находится главный вход в Бельведер.

В главном зале Бельведера стоит табличка: "Теперь кричите как можно громче!". Поэтому в Бельведере все время кто-то вопит. И если ты прополишь действительно громко, желательно хором, откликнется камин, который повторит крик басом, а хрустальные люстры под потолком начинают зажигаться и тухнуть.

Бельведер — дворец, в котором находятся самые известные картины Густава Климта. Главный хит Климта — "Поцелуй" — тоже тут. В Бельведере я поняла, что Климт — слишком приторный гений для меня. Эгон Шиле с его экспрессионистским "Объятием" мне ближе. Шиле прожил всего двадцать восемь лет и написал массу очень современных полотен. Он месяц просидел в тюрьме за одну

из работ, которую эксперты сочли порнографией.

В Бельведере закончился мой роман с Климтом и начался роман с Эгоном Шиле.

Как меня обсчитали в Бельведере

В сувенирной лавке дворца Бельведер, заваленной платками, принтами, калейдоскопами и детскими татуировками с "Поцелуем", книгами о Шиле и Хундертвассере, в роскошном замке, в одном из самых прекрасных мест волшебного города меня обсчитали на три евро.

Двух маленьких зайчат, прикупленных вместе с кучкой других сувениров, пробили на кассе по цене больших. Ой!

Я не стала выяснять отношения, только еще немного побродила по светлой лавке, нарезая круги вокруг кассирши-азиатки с асимметричным лицом. Кассирша с ужасом зыркнула на меня. Нет, мы не будем выводить вас на чистую воду, мадам. Зачем ссориться? Все равно пора уезжать.

Становлюсь венофилом

Между двумя дворцами Бельведера — Верхним и Нижним — на фотографиях и открытках можно видеть прекрасное озеро. Так вот, зимой и в начале весны никакого озера там нет. Пруд осушают, и по дну, припорошенному снегом, бегут физкультурники.

На днях мне попала в руки пачка "Венских вафель". Смотрю на картинку и вижу — Бельведер с озером. После путешествия я поняла чувства знакомых австрофилов. Теперь я сама — венофил. Хочу рассказывать про Вену, гулять по ее улицам, смотреть на ее дома...

Посадка в одесском аэропорту

В самолете на обратном пути меня развлекал сосед Борис Исаакович, который двигался из Хайфы в Очаков. Борис Исаакович уехал в Израиль в 1993-м году.

— Слышала, что в это время в Одессе был голод? — решила узнать я.

— Я ни в чем не нуждался, — мягко ответил Борис Исаакович.

Бывший начальник очаковской продовольственной базы угощал меня израильской халвой и развлекал неприличными анекдотами.

Самолет пошел на снижение. Самолет снижался уже минут десять, когда я увидела внизу линию моря и пирсы. Обнаружила под собой Ильичевский яхт-клуб. Самолет все снижался, берег стал уходить из виду, а вокруг были только волны, волны, волны.

"Все, сейчас жизнь моя закончится среди холодных волн", — решила я, отвернувшись от иллюминатора и стала молиться.

— Тебе лучше видно в том окне? — поинтересовался Борис Исаакович.

— Мне просто не нравится, когда вокруг одни волны, — ответила я.

— В жизни бывает один раз, когда не нравятся! — выдал очередной перл мой сосед.

Мы посмеялись. Через пять минут мы слова были над сушей, через десять — на ней.

Вена и наш солдат

Путешествие давно закончилось, но Вена не отступала. В середине весны по случаю 65-й годовщины Победы я написала для портала Одесса-дейли небольшую статью про Венскую операцию. Про 2-й и 3-й Украинский фронты, Родиона Малиновского и Федора Толбухина, которые очистили Вену от фашистов.

И чем ближе подходил День победы, тем сильнее нарастал ужас, когда я думала про войну. Потому что каждое сражение второй мировой, даже такое вроде бы легкое, финальное, как Венское, было настоящей мясорубкой. В каждом сражении погибали тысячи советских солдат. Вышел из мясорубки в Будапеште — есть шанс погибнуть в Варшаве. Выжил в Праге — погибай в Вене.

Почему Союз пошел на такую жертву? И вообще, нужно ли было освобождать Вену? Англичане и американцы ждали до последнего. Жалели своих людей. Наши легли костями. Проявили щедрость, которую невозможно оценить.

Поэтому тот факт, что кто-то выжил в той войне, как выжил мой сосед Илья Степанович, — настоящее чудо.

Сосед Илья Степанович занимается пилкой дров. Есть у него набор инструментов замечательный и тележка на четырех колесах.

Как-то я встретила Илью Степановича в самый разгар августовской жары в Летнем переулке. Многие и моложе его в те дни лежали с головной болью в полном изнеможении. Гляжу, вот Илья Степанович на солнышке упавшее дерево распиливает. Всё ему нипочем.

— Как же вы на самом солнцепеке работаете? — спрашиваю.

— А знаешь, какая жара была, когда мы Вену брали?! Градусов сорок. Может, пятьдесят. С этой жарой не сравнить! — ответил он.

Это был первый раз, когда Степанович вспомнил про Вену. Он очень скромный, немногословный. Въехал Илья Степанович в город на танке. В танке, понятно, жарко! И было ему всего-навсего 23 года.

В Вене русского солдата помнят. Стоит в центре города ему памятник золотой. Размеров внушительных. Венцы за этим памятником очень старательно ухаживают. Ну, и наш брат, русскоязычный турист, который в большом количестве по Вене гуляет, тоже заходит на своего пращура полюбоваться. Погостить за него и поудивляться.

электронный биографический справочник

Они оставили след в истории Одессы

Завершается подготовка к выпуску электронного биографического справочника "Они оставили след в истории Одессы"

К 217-й годовщине города завершается подготовка к выпуску электронного биографического справочника "Они оставили след в истории Одессы" — результат совместной работы Всемирного клуба одесситов и студии компьютерного дизайна "Нулевой километр".

Работа над диском продолжалась более полутора лет и завершится ко Дню города (2 сентября 2010 года). На диске представлена информация о людях, оставивших о себе память в Одессе (750 авторских статей с фотоматериалами).

В создании текстов приняло участие более 100 авторов. Ими являются сотрудники Одесской национальной научной библиотеки им. М. Горького, Одесского литературного музея, Одесского историко-краеведческого музея, журналисты, ученые, писатели, искусствоведы, краеведы, потомки известных одесситов и др.

Общий объем информации — около 5000 электронных страниц. Справочник имеет алфавитный и тематический указатели. Материалы о художниках и скульпторах дополнены страницей с работами автора. Часть статей о писателях и музыкантах содержит звуковые файлы.

Диск дополнен уникальным материалом — альбомом "Путешествие во времени", состоящим из трех разделов:

— альбом 1869 года с литографиями, созданными художником при Одесском обществе истории и древностей В. Вахренковым (1847-?). Издан при содействии графа Строганова и никогда не переиздавался;

— альбом 1912 года с литографиями, подаренными городу графом М. Толстым, почетным гражданином города;

— альбом "Одесса — сегодня", состоящий из 170 цветных фотографий.

Надеемся, что электронный биографический справочник станет замечательным подарком для одесситов и гостей нашего удивительного города.

Продажа дисков будет осуществляться студией "Нулевой километр", начиная со второй половины августа в помещении Всемирного клуба одесситов (ул. Маразлиевская, 7).

Всемирный клуб одесситов

Лещенко Петр Константинович 1898-1954

Петр Константинович Лещенко — корифей эстрады. Родился 2 (15) июня 1898 года в селе Исаево (ныне Николаевский район Одесской области). Мать — молодая крестьянка, об отце нет никаких сведений.

В возрасте девяти месяцев был увезен в Кишинев. В восемь лет благодаря способностям к пению и танцам был взят в Церковный солдатский хор, затем определен в Народное приходское училище. Ввиду ломки голоса к 17 годам остался без средств к существованию и решил пойти в армию. Окончил пехотную школу прапорщиков в Киеве, в марте 1917 г. через 40-й запасной полк в Одессе был направлен на румынский фронт. В августе 1917 г. был тяжело ранен и до середины января 1918 г. лечился в кишиневском госпитале. За это время Кишинев оказался в составе Румынии и, таким образом, Лещенко поневоле стал эмигрантом.

Пел в церковном хоре, в оперной труппе, с осени 1919 г. начал выступать в составе танцевального коллектива, много гастролировал по городам Румынии. В 1925 г. несколько месяцев работал в Париже, затем выступал в Швеции, Турции, Греции, на Ближнем Востоке. В июле 1926 г. женился на танцовщице Зинаиде Закитт, уроженке Риги, вместе с которой составил танцевальный дуэт. Когда жена забеременела, начал выступать как певец. Этому способствовало знакомство с молодыми рижскими композиторами Оскаром Строком, Марком Марьяновским, которые стали постоянными авторами Лещенко.

В 1931 г. певец осуществил первые грамзаписи в Берлине, в 1933 г. — записывался в Вене на студии "Коламбия". Но наибольшую извест-

ность получили записи, сделанные в 1935 г. в Лондоне. Благодаря радиопередачам Лещенко стал популярным певцом. Перебравшись со всей семьей на постоянное жительство в Бухарест, он с компаньонами открыл ресторан, в котором выступал как "звезда" программы.

Особой известностью пользовалась песня "Чубчик", которая стала своего рода визитной карточкой певца. Вообще же репертуар Лещенко был очень широк: он исполнял танго, фокстроты, романсы, частушки, народные русские, украинские, румынские и цыганские песни. Не обходился он вниманием и песни советских авторов — И. Дунаевского, братьев Покрасс, Б. Фомина и др.

В октябре 1941 г. Лещенко как резервист был призван в ряды румынской армии, однако ему удалось избежать призыва, хотя из-за этого сорвался концерт певца, который должен был состояться в декабре в знаменитом Одесском театре оперы и балета.

Приехать в Одессу артист сумел только в мае 1942 г. В период с 6 по 9 июня он дал три концерта в Русском театре, которые прошли с грандиозным успехом. В процессе подготовки к концертам Лещенко познакомился с 19-летней певицей Верой Белоусовой, за которой начал активно и небезуспешно ухаживать.

Вскоре он снова получил вызов в действующую армию. Чтобы и на этот раз не пришлось надевать форму, артист поступил на работу певцом в ресторан "Норд", что считалось "мобилизацией на месте". К тому времени Лещенко переехал жить к своей возлюбленной на ул. Новосельского, 66. Однако в октябре 1943 г. артиста все же призвали в армию и направили служить в Крым в должности заведующего офицерскими столовыми. В марте 1944 г. он в последний раз приехал в Одессу, чтобы вывезти в Румынию свою невесту и ее семью. В мае 1944 г. Лещенко официально развелся с Закитт и зарегистрировал брак с Верой Белоусовой.

После капитуляции Румынии они многократно выступали перед советскими войсками, в том числе маршалом Коневым. Отношение к артистам было самым дружелюбным. В марте 1949 г. Лещенко и Белоусова поступили в бухарестский Театр эстрады. Однако в начале 1950-х отношение к ним изменилось, и в марте 1951 г. Лещенко был арестован после концерта в г. Сталин (ныне Бразов).

Он был осужден "за антисоветскую деятельность" на пять лет лагерей, в лагере и умер 16 июля 1954 г.

Реабилитировали Лещенко только в 1988 г. В настоящее время об артисте издано несколько книг, написано сотни статей, выпущены на пластинках, кассетах и дисках практически все его записи.

В Одессе и Москве уже более 20 лет регулярно проводятся вечера памяти одного из самых знаменитых певцов русской эстрады.

Александр ГАЛЯС.

Хрущ Валентин Дмитриевич 1943-2005

Валентин Дмитриевич Хрущ — один из самых самобытных и утонченных художников — продолжателей высоких традиций южнорусской школы, мирового и отечественного авангарда.

Родился в Одессе в 1943 году. Впрочем, никто его не звал по имени-отчеству даже в зрелые годы. В летопись искусства нашего города он вошел как Хрущик. Следует подчеркнуть, что в этом легком, чуть легкомысленном прозвище не содержалось ни малейшей частицы иронии или недооценки таланта и своеобразия как личности художника, так и его творчества.

Даже тогдашние руководители Союза художников, не допустившие ни одной работы Хруща на официальные выставки (его в 60-70-е годы относили к так называемым "абстракционистам"), признавали за ним высокие профессиональные достоинства. Высокая репутация подлинного Мастера сопровождала Валентина всю жизнь, в каком проявлении своего дарования он бы не представлял — живописи, графике, деревянной скульптуре, фотографии, в какой бы манере не работал — фигуративной или абстрактной.

И это тем более знаменательно, что у Хрущика не было специального художественной школе, посещал Одесское художественное училище им. Грекова, но трудности послевоенного детства и отрочества, независимый склад ума, да и вольный нрав — все это не способствовало обретению дипломов...

Среди тех, кто оказал серьезное влияние на его становление, — художники и педагоги Юрий Егоров, Александр Ацманчук, Николай Зайцев, вся мировая классика и мастера нового времени.

С начала 60-х годов минувшего века

Валентин Хрущ тесно общается с молодыми художниками-нонконформистами. В 1963 году он и Станислав Сычев проводят первую не санкционированную властями выставку, разместив работы на деревянном заборе в сквере Пале-Рояль, что у оперного театра. В историю культурной жизни Одессы XX века она вошла под кодовым названием "Сычик-Хрущик", и нынче о ее роли и значении для развития нового искусства рассуждают искусствоведы.

Хрущик родился на Пересыпи, весь свой одесский период прожил в старом доме на Пантелеймоновской. В комнате, где он работал, не было прямого света, но именно в эти годы родились шедевры, выполненные в стилистике "Бархатного Хрущика", которые особо ценятся почитателями его таланта. Здесь по воскресеньям собирались художники, поэты, журналисты — "шестидесятники-восемидесятники", ценители и разговоры об искусстве, и дивных чаев, которые Хрущик заваривал как никто.

Из этого дома Хрущик в 1985 году неожиданно для всех (ранее он не отличался далее Каролино-Бугаза и Очакова) отправился на вокзал и уехал в Москву. В столице уже знали и высоко ценили его работы. Он много работал и выставлялся. Работы московского периода иные, чем те, что он создавал на берегах столь любимого им Черного моря, но неизменным оставался его талант.

За последние двадцать лет жизни Хрущик всего два-три раза приезжал в Одессу. В последний раз — уже тяжело больным. Умер он в 2005 году в Подмоскovie, и там же похоронен.

Сегодня творчество Валентина Хруща представлено в Центре ЮНЕСКО (Париж), многих музеях и галереях мира, частных коллекциях. О нем написаны статьи в крупнейших журналах России и Украины.

Феликс КОХРИХТ.

Саша Чёрный 1880-1932

Саша Черный (псевдоним; настоящее имя, отчество и фамилия — Александр Михайлович Гликберг) — поэт, прозаик, переводчик. Родился в Одессе в семье провизора, которая потом некоторое время жила в квартире № 18 дома Семашко на Ришельевской, 74. В детстве его уменьшительно и ласково называли Сашей. Когда же появился на свет двоюродный брат — тезка, но, в отличие от него, блондин, то для удобства семейных разговоров новорожденного начали называть Сашей белым, а его старшего братишку, соответственно, Сашей черным. Спустя годы семейное прозвище обернулось псевдонимом Саша Черный, который был известен всей читающей России, а потом всей читающей российской же эмиграции, потому что стал наш земляк популярным сатирическим поэтом.

Одессу он покинул рано, печатался с 1904 года, со временем начал сотрудничать в лучших сатирических журналах — "Зритель", "Леший", "Маски", "Молот", "Сигнал", "Скоморох", многих других. После конфискации цензурой его первого сборника стихов "Разные мотивы" в 1906 году Саша Черный во избежание ареста уехал за границу, где, раз уже так случилось, прослушал курс лекций в Гейдельбергском университете. Вернувшись в Россию, выпустил "Сатиры и лирику", стихотворный цикл "Война", книги для детей "Тук-Тук" и "Живая азбука", печатал сатирические стихи

в знаменитом журнале "Сатирикон", потом при содействии М. Горького перешел в журнал "Современник".

Саша Черный был санитаром на первой мировой войне, а в 1920 году, когда уже все окончательно стало ясно, вторично, теперь уже навсегда, уехал за границу, где еще много чего хорошего написал и напечатал: книгу стихов "Жажда", поэму "Кому в эмиграции жить хорошо", книги рассказов "Сон профессора Патрашкина", "Дневник фокса Микки", "Солдатские сказки", "Несерьезные рассказы", повесть "Чудесное лето", пьесу для детей "Возвращение Робинзона"...

5 августа 1932 года Саша Черный умер в Ла-Фавьер, близ местечка Лаванду во Франции. Когда загорелся дом соседа, он, не раздумывая, бросился на помощь, сделал все, что хотел и на что способен был, после чего последствием морального и физического перенапряжения случился смертельный сердечный приступ.

Литераторов-эмигрантов, даже самых талантливых, прежняя власть вычеркивала из памяти читателей, и новые поколения произведения Саши Черного уже практически не знали. Но времена меняются, и теперь о нем пишут статьи и книги, печатают его сочинения, которые когда-то были необыкновенно популярны, в том числе повесть в стихах "Любовь не картошка" — историю любви студента Эпштейна, "совратителя невиннейшей девушки, чистой как мак".

И воспоминаниями одесского детства остался написанный в 1933 году для русских ре-

бят — детей эмигрантов рассказ "Голубиные башмаки", где могучие биндюжники, портючие люмпены, Греческая улица, незабываемого вкуса вареники с вишнями и словечко "шмаровоз", по которому безошибочно можно узнать одессита, где бы он ни жил и во что бы ни рядился, — в кимоно ли, пончо или юбочку из пальмовых листьев...

Ростислав АЛЕКСАНДРОВ.

Гроссман Исаак 1892-1977

Исаак Гроссман — легендарный болельщик одесского футбола, яркий, необыкновенно одаренный человек, долгие годы популярный во всех слоях населения города.

Родился 18 августа 1892 г. в Одессе.

Одесситы всегда знали и почитали людей, приносящих городу славу, — артистов, музыкантов, художников, спортсменов... Хотя наибольших успехов в довоенные годы добивались баскетболисты, а в послевоенные — волейболисты, наибольшей популярностью всегда пользовались футболисты, их знали и обожали все.

Футбол в Одессу в конце XIX века завезли англичане. Даже в финальном матче на первенство России против Петербурга в составе Одессы играло пять англичан. Со временем англичане уехали, одесский футбол получил хорошее развитие. Выросли свои звезды: фамилии Богемский, Злочевский, Трусевич, Штраус, Малхасов знала вся страна.

Прошли годы, ушли кумиры, все изменилось, многое забыто; ушли поколения настоящих верных знающих болельщиков — фанатов.

Кто сегодня помнит Юру Луну, который знал о спорте все; безногого чистильщика обуви у кинотеатра им. Горького Ваню Воробьева — участника съемок на Потемкинской лестнице в фильме "Броненосец Потемкин"; короля болельщиков любимца одесситов — Гроссмана (иначе его не называли)? Этого маленького человека знали все, хотя не было телевидения, о нем не писали газеты, и не говорило радио.

Семья Гроссманов жила на Успенской, 127. Отец держал магазин на Старом базаре, мать — домохозяйка. Не закончив обучение в гимназии, Гроссман стал работать помощником адвоката (в дальнейшем ему часто приходилось исполнять функции третейского судьи). Позже, до войны и после возвращения из эвакуации во Фрунзе, работал начальником болтового цеха, но главным в его жизни был ФУТБОЛ. Это был беззаветный болель-

щик одесского футбола. Говорили, что он сопровождал команду на выездных играх. После поражений долго не приходил домой, где-то бродил, прятался, никого не хотел видеть. До войны его кумиром был Александр Штрауб, а после войны Константин Фурс. После забитого гола все трибуны вставали и смотрели на 38-ю, где бушевал Гроссман. У него там было постоянное место, которое не продавалось, пока он был жив. Во всяком случае, известно только об одной пропущенной Гроссманом игре.

18 мая 1936 года состоялось торжественное открытие "Стадиона у моря". Присутствовали генсек КПУ Косиор и генсек ЛКСМУ Андреев. Гроссман прийти не смог — за день до этого его забрали в НКВД. Вернулся чернее тучи — пришлось дать расписку с обязательством не идти на стадион. Компетентные органы не могли допустить, чтобы он своими "штуками" отвлекал 22 тысячи советских людей, которые, конечно же, мечтают смотреть на то-

варищей Косиора и Андреева, а не "штуки" како-то Гроссмана.

Утверждение спорное. Секретари менялись, Гроссман оставался, и на него ходили смотреть. А особенно любили его послушать. За ним толпой ходили люди, пытающиеся загнать его в угол всевозможными вопросами. Посмотрите на фотографию — и поймете, чем это заканчивалось. Все довольны, все смеются и "имеют что сказать" друзьям. Им в то время не так часто удавалось посмеяться от души, и они спешили в театр Гроссмана.

Это был яркий, самобытный, талантливый человек. Его шутки рождались легко, и их сразу запомнили. Роман Карцев запомнил его обращение с трибуны к Константину Фурсу: "Котя! Моя семья единогласно признала тебя лучшим футболистом Европы". Вспоминают его реакцию на красивую игру "Черноморца": "Проверьте у них паспорта, это переодетые бразильцы!". На собрании болельщиков "Черноморца" он с трибуны рассказывал о поездке на игру во "враждебный" Николаев. После проигрыша хозяев в автобус летят камни. Крики, свист... "А мы тихо сидим и только любим друг друга, радоваться начали только после Варваровского моста". Там же он ответил на призывы к болельщикам не кричать, не свистеть (тогда не сквернословили, а приходили семьями, с детьми): "Как я могу не кричать, когда мы ведем 1:0, Котя уже забил, а до конца игры 80 минут? Откуда слово болельщик? У него болит, он и кричит".

Когда семья жила уже на ул. Генерала Петрова, в 1967 году ему подарили мяч с надписью: "Старейшему любителю одесского футбола в день 75-летия". На мяче подписи: Фуртерман, Черкасский, Колдаков, Заболотный, Попичко, Звенигородский, Москаленко, Шиманович, Дерябин, Секеч, Зальцман... (мяч хранится во Всемиром клубе одесситов).

Умер Исаак Гроссман 9 августа 1977 г.

Тот, кому повезет занять его место на стадионе, должен знать, кто там сидел долгие годы, и слышать иногда очень давно сорванный голос веселого, ни на кого не похожего, всеми любимого маленького человека.

Валентин БРАМБИЛЛА.

Урысон Павел Самуилович 1898-1924

Павел Самуилович Урысон — математик.

Павел Урысон родился в Одессе на ул. Базарной угол Ришельевской в январе 1898 года. Первые 12 лет своей недолгой яркой жизни он провел в нашем городе.

Несмотря на выдающиеся способности и солидный достаток семьи, ему пришлось дважды пережить отказ в приеме в 3-ю одесскую гимназию по причине "отсутствия вакансий для лиц иудейского вероисповедания".

После смерти матери Павла Урысоны переезжают в Москву. К этому времени Павел прилично владел французским, немецким и английским языками, успешно занимался музыкой. В Москве П. Урысон учился в частной гимназии Кирпичниковой, затем в университете Шанявского, а в 1918 году поступил на математический факультет МГУ, который окончил за три года. "Научным отцом" его был академик Н.Н. Лузин.

Учениками юного математика профессора 2-го Московского университета Павла Урысона считали себя будущие академики Колмо-

ров, Люстерник, Шпирельман, Степанов. К большим совместным творческим успехам, особенно в области топологии, привела дружба П.С. Урысона с П.С. Александровым, будущим академиком, лауреатом премии Больцано (математический "Нобель"), считавшим своего друга "создателем советской топологии".

Лемма Урысона, оператор Урысона, разработки в области теории уравнений и теории размерности, геометрии и теории функций, важнейшие результаты в теории топологических пространств — это все творческие свершения Павла Урысона, проработавшего в математике всего четыре года.

В 1923-24 гг. П.С. Урысон с П.С. Александровым направляется в научные командировки в Германию, Норвегию, Голландию, Францию.

17 августа 1924 года, купаясь вместе с П. Александровым в Бискайском заливе недалеко от деревушки Ле-Ба (Франция), Павел Урысон утонул.

Великий немецкий математик Давид Гильберт, соболезнуя отцу П. Урысона, писал: "Мы Вашего сына очень полюбили. Он был необычайно даровит, и я питал большие надежды на него".

Леонид АВЕРБУХ.

Москаленко Василий Васильевич 1938-2010

Василий Васильевич Москаленко — один из самых популярных, самых почитаемых одесских футболистов второй половины XX столетия.

Родился в Одессе 18 июня 1938 г.

Для безумно любящего эту игру Васи футбол начался в детской команде "Суконки", как называли одесситы суконную фабрику. Потом была команда "Дзержинки" (завод им. Ф.Э. Дзержинского), ФШМ... Талантливый молодой футболист даже за дубль киевского "Динамо" поиграл, но вернулся в родной город, где в 1956 г. начал выступать за "главную" одесскую команду — "Пищевик". Потом перешел в одну из лидирующих одесских команд — Спортивный клуб армии (СКА), где провел пять сезонов (1958-1962 гг.), после чего вернулся в команду, которая уже носила имя "Черноморец". Вот где целиком открылись широчайшие возможности Василия! Восемь долгих футбольных лет он находился на острие атаки "моряков", три сезона был капитаном команды, обладая непрекращаемым авторитетом.

400 игр провел он, выступая за ведущие команды Одессы, поразив ворота соперников более 150 раз, в том числе за "Черноморец" — 250 игр, забив 68 мячей, многие из которых становились настоящим украшением матчей. Чего только стоит гол, забитый Москаленко в 1969 г. на переполненных московских "Лужниках" в ворота "Спартака" — в падении через себя! Этот "фирменный" Васин удар заставил капризных московских болельщиков стоя аплодировать одесскому форварду, а гол признан лучшим в сезоне из всех, что были забиты в Москве.

Василий Москаленко был истинной грозой защитников самого высокого уровня, потому что обладал филигранной техникой владения мячом на высокой скорости.

Закончив карьеру в "Черноморце", Москаленко не смог расстаться с футболом, потому еще некоторое время играл за николаевский "Судостроитель", ильичевский "Портовик", тренировал команды любителей, щедро передавая опыт молодежи. И с огромным удовольствием принимал участие в ветеранских встречах, становясь все тем же неукротимым нападающим с удивительным "чувством гола"...

Умер В.В. Москаленко 1 марта 2010 г.

Чтобы проводить в последний путь своего любимца, на стадион "Спартак", где состоялась гражданская панихида, пришли, в основном, болельщики старших поколений. Они искренне благодарили Василия Васильевича Москаленко за радость, подаренную им много лет назад этим великолепным футболистом и настоящим патриотом города.

Прах его покоится на Таировском кладбище.

Анатолий ГОРБАТЮК.

электронный биографический справочник

Они оставили след в истории Одессы

Завершается подготовка к выпуску электронного биографического справочника "Они оставили след в истории Одессы"

К 217-й годовщине города завершается подготовка к выпуску электронного биографического справочника "Они оставили след в истории Одессы" — результат совместной работы Всемирного клуба одесситов и студии компьютерного дизайна "Нулевой километр".

Работа над диском продолжалась более полутора лет и завершится ко Дню города (2 сентября 2010 года). На диске представлена информация о людях, оставивших о себе память в Одессе (750 авторских статей с фотоматериалами).

В создании текстов приняло участие более 100 авторов. Ими являются сотрудники Одесской национальной научной библиотеки им. М. Горького, Одесского литературного музея, Одесского историко-краеведческого музея, журналисты, ученые, писатели, искусствоведы, краеведы, потомки известных одесситов и др.

Общий объем информации — около 5000 электронных страниц. Справочник имеет алфавитный и тематический указатели. Материалы о художниках и скульпторах дополнены страницей с работами автора. Часть статей о писателях и музыкантах содержит звуковые файлы.

Диск дополнен уникальным материалом — альбомом "Путешествие во времени", состоящим из трех разделов:

— альбом 1869 года с литографиями, созданными художником при Одесском обществе истории и древностей В. Вахреновым (1847-?). Издан при содействии графа Строганова и никогда не переиздавался;

— альбом 1912 года с литографиями, подаренными городу графом М. Толстым, почетным гражданином города;

— альбом "Одесса — сегодня", состоящий из 170 цветных фотографий.

Надеемся, что электронный биографический справочник станет замечательным подарком для одесситов и гостей нашего удивительного города.

Продажа дисков будет осуществляться студией "Нулевой километр", начиная со второй половины августа в помещении Всемирного клуба одесситов (ул. Маразлиевская, 7).

Всемирный клуб одесситов

Лещенко Петр Константинович 1898-1954

Петр Константинович Лещенко — корифей эстрады. Родился 2 (15) июня 1898 года в селе Исаево (ныне Николаевский район Одесской области). Мать — молодая крестьянка, об отце нет никаких сведений.

В возрасте девяти месяцев был увезен в Кишинев. В восемь лет благодаря способностям к пению и танцам был взят в Церковный солдатский хор, затем определен в Народное приходское училище. Ввиду ломки голоса к 17 годам остался без средств к существованию и решил пойти в армию. Окончил пехотную школу прапорщиков в Киеве, в марте 1917 г. через 40-й запасной полк в Одессе был направлен на румынский фронт. В августе 1917 г. был тяжело ранен и до середины января 1918 г. лечился в кишиневском госпитале. За это время Кишинев оказался в составе Румынии и, таким образом, Лещенко поневоле стал эмигрантом.

Пел в церковном хоре, в оперной труппе, с осени 1919 г. начал выступать в составе танцевального коллектива, много гастролировал по городам Румынии. В 1925 г. несколько месяцев работал в Париже, затем выступал в Швеции, Турции, Греции, на Ближнем Востоке. В июле 1926 г. женился на танцовщице Зинаиде Закитт, уроженке Риги, вместе с которой составил танцевальный дуэт. Когда жена забеременела, начал выступать как певец. Этому способствовало знакомство с молодыми рижскими композиторами Оскаром Строком, Марком Марьяновским, которые стали постоянными авторами Лещенко.

В 1931 г. певец осуществил первые грамзаписи в Берлине, в 1933 г. — записывался в Вене на студии "Коламбия". Но наибольшую извест-

ность получили записи, сделанные в 1935 г. в Лондоне. Благодаря радиопередачам Лещенко стал популярным певцом. Перебравшись со всей семьей на постоянное жительство в Бухарест, он с компаньонами открыл ресторан, в котором выступал как "звезда" программы.

Особой известностью пользовалась песня "Чубчик", которая стала своего рода визитной карточкой певца. Вообще же репертуар Лещенко был очень широк: он исполнял танго, фокстроты, романсы, частушки, народные русские, украинские, румынские и цыганские песни. Не обходился он вниманием и песни советских авторов — И. Дунаевского, братьев Покрасс, Б. Фомина и др.

В октябре 1941 г. Лещенко как резервист был призван в ряды румынской армии, однако ему удалось избежать призыва, хотя из-за этого сорвался концерт певца, который должен был состояться в декабре в знаменитом Одесском театре оперы и балета.

Приехать в Одессу артист сумел только в мае 1942 г. В период с 6 по 9 июня он дал три концерта в Русском театре, которые прошли с грандиозным успехом. В процессе подготовки к концертам Лещенко познакомился с 19-летней певицей Верой Белоусовой, за которой начал активно и небезуспешно ухаживать.

Вскоре он снова получил вызов в действующую армию. Чтобы и на этот раз не пришлось надевать форму, артист поступил на работу певцом в ресторан "Норд", что считалось "мобилизацией на месте". К тому времени Лещенко переехал жить к своей возлюбленной на ул. Новосельского, 66. Однако в октябре 1943 г. артиста все же призвали в армию и направили служить в Крым в должности заведующего офицерскими столовыми. В марте 1944 г. он в последний раз приехал в Одессу, чтобы вывезти в Румынию свою невесту и ее семью. В мае 1944 г. Лещенко официально развелся с Закитт и зарегистрировал брак с Верой Белоусовой.

После капитуляции Румынии они многократно выступали перед советскими войсками, в том числе маршалом Коневым. Отношение к артистам было самым дружелюбным. В марте 1949 г. Лещенко и Белоусова поступили в бухарестский Театр эстрады. Однако в начале 1950-х отношение к ним изменилось, и в марте 1951 г. Лещенко был арестован после концерта в г. Сталин (ныне Бразов).

Он был осужден "за антисоветскую деятельность" на пять лет лагерей, в лагере и умер 16 июля 1954 г.

Реабилитировали Лещенко только в 1988 г. В настоящее время об артисте издано несколько книг, написано сотни статей, выпущены на пластинках, кассетах и дисках практически все его записи.

В Одессе и Москве уже более 20 лет регулярно проводятся вечера памяти одного из самых знаменитых певцов русской эстрады.

Александр ГАЛЯС.

Хрущ Валентин Дмитриевич 1943-2005

Валентин Дмитриевич Хрущ — один из самых самобытных и утонченных художников — продолжателей высоких традиций южнорусской школы, мирового и отечественного авангарда.

Родился в Одессе в 1943 году. Впрочем, никто его не звал по имени-отчеству даже в зрелые годы. В летопись искусства нашего города он вошел как Хрущик. Следует подчеркнуть, что в этом легком, чуть легкомысленном прозвище не содержалось ни малейшей частицы иронии или недооценки таланта и своеобразия как личности художника, так и его творчества.

Даже тогдашние руководители Союза художников, не допустившие ни одной работы Хруща на официальные выставки (его в 60-70-е годы относили к так называемым "абстракционистам"), признавали за ним высокие профессиональные достоинства. Высокая репутация подлинного Мастера сопровождала Валентина всю жизнь, в каком проявлении своего дарования он бы не представлял — живописи, графике, деревянной скульптуре, фотографии, в какой бы манере не работал — фигуративной или абстрактной.

И это тем более знаменательно, что у Хрущика не было специального художественной школе, посещал Одесское художественное училище им. Грекова, но трудности послевоенного детства и отрочества, независимый склад ума, да и вольный нрав — все это не способствовало обретению дипломов...

Среди тех, кто оказал серьезное влияние на его становление, — художники и педагоги Юрий Егоров, Александр Ацманчук, Николай Зайцев, вся мировая классика и мастера нового времени.

С начала 60-х годов минувшего века

Валентин Хрущ тесно общается с молодыми художниками-нонконформистами. В 1963 году он и Станислав Сычев проводят первую не санкционированную властями выставку, разместив работы на деревянном заборе в сквере Пале-Рояль, что у оперного театра. В историю культурной жизни Одессы XX века она вошла под кодовым названием "Сычик-Хрущик", и нынче о ее роли и значении для развития нового искусства рассуждают искусствоведы.

Хрущик родился на Пересыпи, весь свой одесский период прожил в старом доме на Пантелеймоновской. В комнате, где он работал, не было прямого света, но именно в эти годы родились шедевры, выполненные в стилистике "Бархатного Хрущика", которые особо ценятся почитателями его таланта. Здесь по воскресеньям собирались художники, поэты, журналисты — "шестидесятники-восемидесятники", ценители и разговоры об искусстве, и дивных чаев, которые Хрущик заваривал как никто.

Из этого дома Хрущик в 1985 году неожиданно для всех (ранее он не отлучался далее Каролино-Бугаза и Очакова) отправился на вокзал и уехал в Москву. В столице уже знали и высоко ценили его работы. Он много работал и выставлялся. Работы московского периода иные, чем те, что он создавал на берегах столь любимого им Черного моря, но неизменным оставался его талант.

За последние двадцать лет жизни Хрущик всего два-три раза приезжал в Одессу. В последний раз — уже тяжело больным. Умер он в 2005 году в Подмоскovie, и там же похоронен.

Сегодня творчество Валентина Хруща представлено в Центре ЮНЕСКО (Париж), многих музеях и галереях мира, частных коллекциях. О нем написаны статьи в крупнейших журналах России и Украины.

Феликс КОХРИХТ.

Саша Чёрный 1880-1932

Саша Черный (псевдоним; настоящее имя, отчество и фамилия — Александр Михайлович Гликберг) — поэт, прозаик, переводчик. Родился в Одессе в семье провизора, которая потом некоторое время жила в квартире № 18 дома Семашко на Ришельевской, 74. В детстве его уменьшительно и ласково называли Сашей. Когда же появился на свет двоюродный брат — тезка, но, в отличие от него, блондин, то для удобства семейных разговоров новорожденного начали называть Сашей белым, а его старшего братишку, соответственно, Сашей черным. Спустя годы семейное прозвище обернулось псевдонимом Саша Черный, который был известен всей читающей России, а потом всей читающей российской же эмиграции, потому что стал наш земляк популярным сатирическим поэтом.

Одессу он покинул рано, печатался с 1904 года, со временем начал сотрудничать в лучших сатирических журналах — "Зритель", "Леший", "Маски", "Молот", "Сигнал", "Скоморох", многих других. После конфискации цензурой его первого сборника стихов "Разные мотивы" в 1906 году Саша Черный во избежание ареста уехал за границу, где, раз уже так случилось, прослушал курс лекций в Гейдельбергском университете. Вернувшись в Россию, выпустил "Сатиры и лирику", стихотворный цикл "Война", книги для детей "Тук-Тук" и "Живая азбука", печатал сатирические стихи

в знаменитом журнале "Сатирикон", потом при содействии М. Горького перешел в журнал "Современник".

Саша Черный был санитаром на первой мировой войне, а в 1920 году, когда уже все окончательно стало ясно, вторично, теперь уже навсегда, уехал за границу, где еще много чего хорошего написал и напечатал: книгу стихов "Жажда", поэму "Кому в эмиграции жить хорошо", книги рассказов "Сон профессора Патрашкина", "Дневник фокса Микки", "Солдатские сказки", "Несерьезные рассказы", повесть "Чудесное лето", пьесу для детей "Возвращение Робинзона"...

5 августа 1932 года Саша Черный умер в Ла-Фавьер, близ местечка Лаванду во Франции. Когда загорелся дом соседа, он, не раздумывая, бросился на помощь, сделал все, что хотел и на что способен был, после чего последствием морального и физического перенапряжения случился смертельный сердечный приступ.

Литераторов-эмигрантов, даже самых талантливых, прежняя власть вычеркивала из памяти читателей, и новые поколения произведения Саши Черного уже практически не знали. Но времена меняются, и теперь о нем пишут статьи и книги, печатают его сочинения, которые когда-то были необыкновенно популярны, в том числе повесть в стихах "Любовь не картошка" — историю любви студента Эпштейна, "совратителя невиннейшей девушки, чистой как мак".

И воспоминаниями одесского детства остался написанный в 1933 году для русских ре-

бят — детей эмигрантов рассказ "Голубиные башмаки", где могучие биндюжники, портючие люмпены, Греческая улица, незабываемого вкуса вареники с вишнями и словечко "шмаровоз", по которому безошибочно можно узнать одессита, где бы он ни жил и во что бы ни рядился, — в кимоно ли, пончо или юбочку из пальмовых листьев...

Ростислав АЛЕКСАНДРОВ.

Гроссман Исаак 1892-1977

Исаак Гроссман — легендарный болельщик одесского футбола, яркий, необыкновенно одаренный человек, долгие годы популярный во всех слоях населения города.

Родился 18 августа 1892 г. в Одессе.

Одесситы всегда знали и почитали людей, приносящих городу славу, — артистов, музыкантов, художников, спортсменов... Хотя наибольших успехов в довоенные годы добивались баскетболисты, а в послевоенные — волейболисты, наибольшей популярностью всегда пользовались футболисты, их знали и обожали все.

Футбол в Одессу в конце XIX века завезли англичане. Даже в финальном матче на первенство России против Петербурга в составе Одессы играло пять англичан. Со временем англичане уехали, одесский футбол получил хорошее развитие. Выросли свои звезды: фамилии Богемский, Злочевский, Трусевич, Штраус, Малхасов знала вся страна.

Прошли годы, ушли кумиры, все изменилось, многое забыто; ушли поколения настоящих верных знающих болельщиков — фанатов.

Кто сегодня помнит Юру Луну, который знал о спорте все; безногого чистильщика обуви у кинотеатра им. Горького Ваню Воробьева — участника съемок на Потемкинской лестнице в фильме "Броненосец Потемкин"; короля болельщиков любимца одесситов — Гроссмана (иначе его не называли)? Этого маленького человека знали все, хотя не было телевидения, о нем не писали газеты, и не говорило радио.

Семья Гроссманов жила на Успенской, 127. Отец держал магазин на Старом базаре, мать — домохозяйка. Не закончив обучение в гимназии, Гроссман стал работать помощником адвоката (в дальнейшем ему часто приходилось исполнять функции третейского судьи). Позже, до войны и после возвращения из эвакуации во Фрунзе, работал начальником болтового цеха, но главным в его жизни был ФУТБОЛ. Это был беззаветный болель-

щик одесского футбола. Говорили, что он сопровождал команду на выездных играх. После поражений долго не приходил домой, где-то бродил, прятался, никого не хотел видеть. До войны его кумиром был Александр Штрауб, а после войны Константин Фурс. После забитого гола все трибуны вставали и смотрели на 38-ю, где бушевал Гроссман. У него там было постоянное место, которое не продавалось, пока он был жив. Во всяком случае, известно только об одной пропущенной Гроссманом игре.

18 мая 1936 года состоялось торжественное открытие "Стадиона у моря". Присутствовали генсек КПУ Косиор и генсек ЛКСМУ Андреев. Гроссман прийти не смог — за день до этого его забрали в НКВД. Вернулся чернее тучи — пришлось дать расписку с обязательством не идти на стадион. Компетентные органы не могли допустить, чтобы он своими "штуками" отвлекал 22 тысячи советских людей, которые, конечно же, мечтают смотреть на то-

варищей Косиора и Андреева, а не "штуки" како-то Гроссмана.

Утверждение спорное. Секретари менялись, Гроссман оставался, и на него ходили смотреть. А особенно любили его послушать. За ним толпой ходили люди, пытающиеся загнать его в угол всевозможными вопросами. Посмотрите на фотографию — и поймете, чем это заканчивалось. Все довольны, все смеются и "имеют что сказать" друзьям. Им в то время не так часто удавалось посмеяться от души, и они спешили в театр Гроссмана.

Это был яркий, самобытный, талантливый человек. Его шутки рождались легко, и их сразу запомнили. Роман Карцев запомнил его обращение с трибуны к Константину Фурсу: "Котя! Моя семья единогласно признала тебя лучшим футболистом Европы". Вспоминают его реакцию на красивую игру "Черноморца": "Проверьте у них паспорта, это переодетые бразильцы!". На собрании болельщиков "Черноморца" он с трибуны рассказывал о поездке на игру во "враждебный" Николаев. После проигрыша хозяев в автобус летят камни. Крики, свист... "А мы тихо сидим и только любим друг друга, радоваться начали только после Варваровского моста". Там же он ответил на призывы к болельщикам не кричать, не свистеть (тогда не сквернословили, а приходили семьями, с детьми): "Как я могу не кричать, когда мы ведем 1:0, Котя уже забил, а до конца игры 80 минут? Откуда слово болельщик? У него болит, он и кричит".

Когда семья жила уже на ул. Генерала Петрова, в 1967 году ему подарили мяч с надписью: "Старейшему любителю одесского футбола в день 75-летия". На мяче подписи: Футерман, Черкасский, Колдаков, Заболотный, Попичко, Звенигородский, Москаленко, Шиманович, Дерябин, Секеч, Зальцман... (мяч хранится во Всемиром клубе одесситов).

Умер Исаак Гроссман 9 августа 1977 г.

Тот, кому повезет занять его место на стадионе, должен знать, кто там сидел долгие годы, и слышать иногда очень давно сорванный голос веселого, ни на кого не похожего, всеми любимого маленького человека.

Валентин БРАМБИЛЛА.

Москаленко Василий Васильевич 1938-2010

Василий Васильевич Москаленко — один из самых популярных, самых почитаемых одесских футболистов второй половины XX столетия.

Родился в Одессе 18 июня 1938 г.

Для безумно любящего эту игру Васи футбол начался в детской команде "Суконки", как называли одесситы суконную фабрику. Потом была команда "Дзержинки" (завод им. Ф.Э. Дзержинского), ФШМ... Талантливый молодой футболист даже за дубль киевского "Динамо" поиграл, но вернулся в родной город, где в 1956 г. начал выступать за "главную" одесскую команду — "Пищевик". Потом перешел в одну из лидирующих одесских команд — Спортивный клуб армии (СКА), где провел пять сезонов (1958-1962 гг.), после чего вернулся в команду, которая уже носила имя "Черноморец". Вот где целиком открылись широчайшие возможности Василия! Восемь долгих футбольных лет он находился на острие атаки "моряков", три сезона был капитаном команды, обладая непрекращаемым авторитетом.

400 игр провел он, выступая за ведущие команды Одессы, поразив ворота соперников более 150 раз, в том числе за "Черноморец" — 250 игр, забив 68 мячей, многие из которых становились настоящим украшением матчей. Чего только стоит гол, забитый Москаленко в 1969 г. на переполненных московских "Лужниках" в ворота "Спартака" — в падении через себя! Этот "фирменный" Васин удар заставил капризных московских болельщиков стоя аплодировать одесскому форварду, а гол признан лучшим в сезоне из всех, что были забиты в Москве.

Василий Москаленко был истинной грозой защитников самого высокого уровня, потому что обладал филигранной техникой владения мячом на высокой скорости.

Закончив карьеру в "Черноморце", Москаленко не смог расстаться с футболом, потому еще некоторое время играл за николаевский "Судостроитель", ильичевский "Портовик", тренировал команды любителей, щедро передавая опыт молодежи. И с огромным удовольствием принимал участие в ветеранских встречах, становясь все тем же неудержимым нападающим с удивительным "чувством гола"...

Умер В.В. Москаленко 1 марта 2010 г.

Чтобы проводить в последний путь своего любимца, на стадион "Спартак", где состоялась гражданская панихида, пришли, в основном, болельщики старших поколений. Они искренне благодарили Василия Васильевича Москаленко за радость, подаренную им много лет назад этим великолепным футболистом и настоящим патриотом города.

Прах его покоится на Таировском кладбище.

Анатолий ГОРБАТЮК.

Урысон Павел Самуилович 1898-1924

Павел Самуилович Урысон — математик.

Павел Урысон родился в Одессе на ул. Базарной угол Ришельевской в январе 1898 года. Первые 12 лет своей недолгой яркой жизни он провел в нашем городе.

Несмотря на выдающиеся способности и солидный достаток семьи, ему пришлось дважды пережить отказ в приеме в 3-ю одесскую гимназию по причине "отсутствия вакансий для лиц иудейского вероисповедания".

После смерти матери Павла Урысоны переезжают в Москву. К этому времени Павел прилично владел французским, немецким и английским языками, успешно занимался музыкой. В Москве П. Урысон учился в частной гимназии Кирпичниковой, затем в университете Шанявского, а в 1918 году поступил на математический факультет МГУ, который окончил за три года. "Научным отцом" его был академик Н.Н. Лузин.

Учениками юного математика профессора 2-го Московского университета Павла Урысона считали себя будущие академики Колмо-

ров, Люстерник, Шпирельман, Степанов. К большим совместным творческим успехам, особенно в области топологии, привела дружба П.С. Урысона с П.С. Александровым, будущим академиком, лауреатом премии Больцано (математический "Нобель"), считавшим своего друга "создателем советской топологии".

Лемма Урысона, оператор Урысона, разработки в области теории уравнений и теории размерности, геометрии и теории функций, важнейшие результаты в теории топологических пространств — это все творческие свершения Павла Урысона, проработавшего в математике всего четыре года.

В 1923-24 гг. П.С. Урысон с П.С. Александровым направляется в научные командировки в Германию, Норвегию, Голландию, Францию.

17 августа 1924 года, купаясь вместе с П. Александровым в Бискайском заливе недалеко от деревушки Ле-Ба (Франция), Павел Урысон утонул.

Великий немецкий математик Давид Гильберт, соболезнуя отцу П. Урысона, писал: "Мы Вашего сына очень полюбили. Он был необычайно даровит, и я питал большие надежды на него".

Леонид АВЕРБУХ.

Валерий ШЕРСТОБИТОВ Тайна картины П.П. Шмидта

Апрель 1944 года. В одесский порт одним из первых после освобождения вошел пароход "Карл Маркс" (тот самый пароход, который когда-то назывался "Дианой", и на котором Петр Петрович Шмидт прослужил около трех лет. Пароход этот служил советскому торговому флоту до начала шестидесятых годов). Работал на "Карле Марксе" юнгой Юра Скрипник, который в книжных развалах у букиниста нашел тетрадку в коленкоре, на первой странице которой каллиграфическим почерком было написано: "В редакцию газеты "Морьяк". К тридцатипятилетию со дня гибели П.П. Шмидта. Автор М.С. Семенова".

По всем расчетам, материал этот должен был появиться в знаменитой черноморской газете на родине Петра Петровича, в Одессе, не позднее марта 1941 года. Мои поиски в подшивках газет не привели к успеху, поэтому я хочу предложить выдержки из этого интересного рассказа очевидца тех далеких грозных событий, происходивших на Дальнем Востоке.

...Я увидела этого лейтенанта уже в штатском костюме на площадке у памятника Невельскому. Самого памятника еще не было. Была расчищена площадка под его основание. Мы, старшеклассницы, во время большой перемены любили отсюда смотреть на бухту, наблюдать суету на штабной пристани, лейтенант собировавшийся в большой блокнот. Успешный сбор. Я наблюдала за ним и была почему-то уверена, что он не рассердится.

— Барышня любит рисовать? — неожиданно спросил лейтенант.

— Больше люблю музыку.
— Чью именно? — спросил он заинтересованно, все так же не поворачивая головы и не прекращая работы.

— Я люблю Чайковского, Грига, Бетховена!

— У вас в соперниках вечность, — улыбнулся лейтенант. — Она тоже их всех любит.

Я вспомнила его слова, увидев портрет в "Ниве". Тогда, в 1905 году, вечность, делая свой очередной выбор, остановилась на нем самом.

...Последний раз я видела его на выставке живописных полотен местных художников-любителей. Вошла на выставку вместе с мамой вслед за генерал-губернатором Духовским, адмиралом Макаровым, в толпе военных и штатских, взрослых и детей.

Все авторы были при своих полотнах. Среди них и мой знакомый лейтенант в сюртуке. Его картина называлась "Владивосток в лунную ночь". От нее веяло покоем.

На выставке мне стала известна его фамилия — Шмидт. А "Нива" лишь через восемь лет подсказала имя и отчество. Словно для поминальных святцев. Вскоре,

6 марта 1906 года, Петр Петрович Шмидт был расстрелян.

Кто бы мог подумать, что он, любивший тишину и покой, станет начинателем одной из величайших бурь и одним из первых в ней погибнет!

О судьбе написанной им картины я узнала случайно весной 1907 года от бывшей своей сокурсницы Марии Слободской. Впрочем, я и сейчас не уверена, что это настоящие ее имя и фамилия. С ней впервые после Петербурга я столкнулась на Светланской улице во Владивостоке и была приглашена к ней в дом. Одну из стен гостиной украшала картина, рисованная маслом, на которой я сразу узнала посеребренные лунной крыши домов, бухту Золотой Рог с силуэтами боевых кораблей.

— Досталась совершенно неожиданно, — проговорила хозяйка, перехватив мой взгляд, и, водружая на стол самовар, пояснила: — К тому, что картина стала моей собственностью, господин автор, разумеется, не имеет никакого отношения. А автор знаешь кто?

Я кивнула головой, от волнения лишившись голоса.

— Ты прочла автограф, — по-своему рассудила подруга и, разливая чай, принялась рассказывать: — Дней пятнадцать назад прибыла во Владивосток поездом. Ушла от самого свирепого кавалера со звериным нюхом — Меллер-Закомельского, встретила там случайно знакомого по Питеру Павла Пьянкова. Был он в ту пору медиком, а известность в революционных кругах получил главным образом тем, что избрал своей подругой жену казенного народовольца Квятковского.

Оказывается, во Владивостоке он принял миллионное ликероводочное дело своего покойного брата. Вместе с делом — душ семь-восемь детишек. Старшим нужна гувернантка, и непременно французенка. Я вздохнула и сказала, что французский могла бы припомнить...

Павел Алексеевич Пьянков хотел, наверное, чтобы я определенно высказалась по поводу своего нынешнего житья-бытья и дала гарантии на будущее. Я же молчала. Он отметил мое молчание долгим укоризненным взглядом и указал вот на эту картину. Она украшала стену напротив стола. "Я думаю, вы успели разглядеть автограф — П.П. Шмидт. Согласитесь, мученик и идеалист, мечтал о всеобщем счастье, а получил пулю". Затем восстание или, вернее, кровавая бойня, которая закончилась кровавой расправой...

Потом события происходили во Владивостоке. Листовки, аресты. Меня же за недостаточностью улики выпустили под залог из тюрьмы. В первый день на свободе я по обыкновению зашла на почту справиться, нет ли чего "до востребования". Чиновник, просмотрев паспорт, подал мне длинную тонкую бандероль, и я, развернув ее, увидела... картину Петра Петровича Шмидта "Владивосток в лунную ночь". От такого подарка долго не могла прийти в себя. Был ли он со значением: в знак не-

когда высказанного дружеского расположения? Или в предчувствии скорой гибели не хотелось ей бросать картину на произвол судьбы? Так или иначе, полотно досталось мне, и я распорядилась им по-своему. Я расскажу, как.

Я уже в том возрасте, когда невозможно говорить о своем первом чувстве без опасения вызвать ироническую улыбку. И все же...

Я знала Толю Екимову давно, еще гардемарин. В 1899 году мне пришлось провожать его, двадцатидвухлетнего мичмана, в Филадельфию, в экипаж тогда еще никому не известного крейсера "Варяг". Крейсер стоял на стапелях фирмы "Вильямс Крамп и сыновья". Год спустя я встречала Толю, стоя на стенке Купеческой гавани в Кронштадте. Новенький изящный "Варяг" входил на рейд под гром ответного салюта. В тот майский день Кронштадтский рейд выглядел музеем русского флота. Рядом с родоначальником броненосцев — морской батареей "Первенец" — стояли башенные фрегаты, малые миноносцы и новейшие броненосцы береговой обороны, старинная канонерская лодка и новейший крейсер... Вскоре состоялась проводы. На этот раз Толя уходил на минном заградителе "Енисее" в составе первой Тихоокеанской эскадры. Прощаясь, мы условились встретиться на Дальнем Востоке. Где? Какая разница! Во Владивостоке, в Порт-Артуре. Но по не зависящим от нас обстоятельствам встречи тогда не состоялась... Потом началась русско-японская война. Анатолий встретил ее в чине лейтенанта на должности старшего штурманского офицера крейсера "Аскольд". Вместе с другими кораблями эскадры "Аскольд" с боями прорывался из блокированного Порт-Артура во Владивосток. Но судьба сулила иное... Вместе со всей командой "Аскольд" был интернирован в Шанхае.

Анатолий вернулся во Владивосток 14 ноября 1905 года на одном пароходе с адмиралом З.П. Рожественским и с офицерами его штаба. Адмирал в том самом синем мундире, в котором вошел в Цусимский пролив перед историческим боем, один из всех чувствовал себя героем. Его не мучили угрызения совести, не пугала расплата. Трудно себе представить что-либо страшнее того, что стало историей.

Толя вернулся совсем другим. С него слетела юношеская восторженность, темные, искрившиеся раньше глаза стали глубокими и печальными. Он сказал мне: "Там, в Петербурге, они хотели маленькой победоносной войной заглушить революцию. Исход войны смел все карты. Тогда попробовали расстрелом рабочих перед правительственным порогом. Не вышло. Пустили в ход манифест. Что еще у них на уме?". Я поняла так, что этот вопрос не требует ответа. Скорее всего, он явился следствием той глубокой рассудительности, при которой человек до всего доходит сам, и которой раньше не было и не могло быть. Показалось, с ним можно без утайки говорить о своих политических взглядах, о своей работе в орга-

низации. Настораживали только воинские отличия — сразу два ордена Станислава и Анны за одну русско-японскую войну и назначение командиром миноносца "Беспощадный", который и был тем кораблем, который отказался стрелять по восставшим...

17 октября восстание было подавлено. Вечером город напоминал военный лагерь. Начался суд. Среди подсудимых оказался лейтенант Екимов. Судейские чиновники увидели в "нейтралитете" командира "Беспощадного" позицию, подсказанную большевистским центром. Допрашивали Екимову с особым пристрастием. Из зала суда он вышел в арестантском халате, лишенный всех привилегий — дворянства, чинов, боевых наград. При свидании сказал мне, что сейчас, освобожденный от всякой сословной мишуры, начинает новую жизнь...

На этап Екимов пошел в день своего двадцатилетия. Я долго ломала голову над тем, чем бы одарить его на прощание. Взгляд упал на картину Петра Петровича, и я, понимая, что она в сложившейся ситуации вряд ли удобна для подарка, все же повезла именно ее. Толя принял подарок. Мы простились. И навечно.

...Люди владеют вещами. А вещи иногда определяют судьбы людей. Такое, мне кажется, значение имела в жизни лейтенанта Екимова картина с автографом Петра Петровича Шмидта. После многих лет ссылки, гражданской войны, уже на самом исходе 1921 года услышала, что в Хабаровске палачи атамана Калмыкова расстреляли группу командиров Амурской речной флотилии, бывших царских офицеров, преданно служивших Советской России и ее Красному Флоту. Среди них был и бывший лейтенант Анатолий Екимов. Судьба картины осталась неизвестной. Сейчас я тешу себя надеждой, что это, может быть, и к лучшему. Созданная революционером, воплотившая в себе какой-то миг старой жизни, она стала причастна к величайшим событиям, прикоснулась с судьбами людей, которые по-разному и на разных путях боролись с деспотизмом, утверждая зарю новой жизни. Не найденная, она, мне кажется, будет возбуждать жажду поиска и размышлений...

...В июне 2008 года Лидия Ивановна Иващенко, основатель Музея П.П. Шмидта в Очакове, познакомила меня с письмом члена Приморского отделения Географического общества СССР Августовского Бориса Владимировича, где он сообщает, что в одной из старых владивостокских газет за 1914 год наткнулся на заметку о том, что картина П.П. Шмидта "Владивосток в лунную ночь" была выставлена на Первой Амурской выставке и премирована золотой медалью, а приобретена жителем Одессы. Поэтому я обращаюсь к одесситам с просьбой помочь в розыске картины нашего земляка для вновь создающегося музея Петра Петровича Шмидта в г. Одессе. Контактные телефоны: (0482) 47-16-61 или (097) 406-15-51.

Владимир БАРАНОВ Звуковое кино Киры Муратовой

Ретроспектива фильмов режиссера позволяют не только яснее увидеть и осознать масштаб творческой личности, но и отчетливее представить особенности авторского стиля. Приуроченный к юбилею Киры Георгиевны Муратовой показ ее фильмов (речь идет о ретроспективе фильмов Муратовой в одесском кинотеатре "Маски" в честь 70-летнего юбилея режиссера в ноябре 2004 года) навел меня на мысль о том, что Муратова — режиссер в значительной мере "аудиальный". Увидев новую ленту мастера, я утвердился в предположении о том, что в звуковой плоскости находится существенная часть художественных открытий мастера. "Мелодия для шарманки" представляет собой своеобразную антологию муратовских образов, энциклопедию ее художественных методов.

Звуковая палитра произведений режиссера чрезвычайно насыщена, многообразна и выразительна. В одном из ее ранних фильмов — "Познавая белый свет" — даже неодушевленные предметы обретают собственный голос, грузовики здесь "дышат, как живые, режут, как хор плакальщиц". А инфернальную атмосферу фильма "Три истории" еще больше нагнетает группа сигналящих на стоянке автомобилей. Важной частью звукового наполнения кинолент Муратовой является их замечательное музыкальное оформле-

ние: в первых двух фильмах ("Короткие встречи", "Долгие проводы") режиссер работает с прекрасным композитором Олегом Каравайчуком, в дальнейшем она обращается к классике — Шуберту, Чайковскому, Бетховену. В новой картине Муратовой помимо старой шарманки за кадром звучат оригинальные песни Земфиры, связывая эпизоды фильма единым напряженным ритмом.

Но все-таки, в первую очередь, Муратову занимает человеческая речь, ее интонационная и тембровая окрашенность. Каждый герой режиссера — носитель уникальной и неповторимой интонации, а зачастую и неподражаемого голоса. Тут можно вспомнить Владимира Высоцкого, Нину Русланову, Зинаиду Шарко, Ренату Литвинову, Леонида Кушнира, Олега Табакова, Георгия Делиева, Жана Даниэля. В фильме "Долгие проводы", как пишет З. Абдуллаева, "Муратова поставила на индивидуальность актрисы с обидной внешностью, но незаурядным голосом. Этот одинокий голос человека — капризный, набухший скандалом или отчаянием, — одной лишь интонационной пластикой создавал образ женщины на грани нервного срыва. В этой роли Шарко можно только слушать". Добавлю, что "только слушать" можно голосовые партии практически каждого персонажа Муратовой. И именно в них, в надтреснутых или, напротив, излишне пе-

вучих голосах героев заключено "обаяние муратовских фильмов". Обаяние внимательного, бережного отношения к хрупкой материи индивидуальной речи, в которой зачастую в большей мере, чем в содержании произнесенных фраз, выражается сокровенная сущность человека.

На одной из встреч со зрителями Кира Георгиевна сказала, что, подбирая актеров, она ищет, прежде всего, оригинальных, своеобразных и необычных людей. При этом, похоже, что особенности индивидуальной манеры общения имеют для нее преимущественное значение. Непривычная замедленность разговора, странность интонаций, повышенные тона, повторяющиеся рефреном фразы — эти и другие известные стилистические особенности фильмов Муратовой не имеют аналога в мировом кинематографе.

Если Ф.М. Достоевский, с точки зрения М.М. Бахтина, первым обратил внимание на личностно окрашенное слово героев романа, то риску предположить, что Кира Георгиевна первая в советском кинематографе занялась разработкой неповторимой речи персонажей. Если Л.-Ф. Селин, согласно общепринятому взгляду, совершил революцию во французском романе, "преодолев литературу" и начав активно использовать аргумент, то подобный переворот в советском кино совершила Муратова, "преодолев кинемато-

граф" и наполнив свои фильмы звучанием одесской улицы. Н. Сириля по поводу "Астенического синдрома" замечает, что Муратова впустила в свой фильм иррациональное начало "вместе с присущими ему эстетическими способами самовыражения, <...> словно давая реальности высказаться на свойственном ей языке и наблюдая со стороны, что из этого получится". Особенно ярким воплощением внеразумной стихии в этом фильме, по мнению критика, является "толстая завучиха в черно-золотом костюме с тонким верещащим голосом и великолепно безграмотным говором". В "Мелодии для шарманки" Муратова прислушивается к современному обществу в ключевых для него местах — на вокзале, в казино и супермаркете.

Контрапунктом к звуковой ткани фильма "Мелодия для шарманки" выступает несколько немых эпизодов картины, где зрителю предоставлена возможность наблюдать беззвучные движения персонажей за стеклом. Немые эпизоды оттеняют и контрастно усиливают разноголосицу фильма, подчеркивая карнавальную характер звучания новой картины Муратовой и всего ее творчества в целом.

Полагаю, не случайно Кира Муратова, режиссер с чутким слухом "настрофика", живет и работает в Одессе, городе прирожденной музыкальности и колоритной южной речи.

Валентина ГОЛУБОВСКАЯ "Опыты" Михаила Обуховского

Читая присланную из Израйла и там же изданную друзьями (особый поклон Зине Долговой!) книгу Михаила Обуховского "Джазовые вариации на тему Одессы", я невольно вспоминала строки Осипа Мандельштама "Кто за честь природы фехтовальщик? Ну конечно, пламенный Ламарк". Таким "пламенным фехтовальщиком" за честь Одессы, за ее историю, ее героев, за былую славу европейского города видится мне наш старинный друг Михаил Петрович Обуховский, для нас на протяжении полувековой дружбы — Миша. Миша Обуховский!

В далекой уже юности, в абсолютно законопаченной стране, в городе, который гнули и ломали, пытаясь превратить в захудалый областной центр, сохранялись, вопреки всему, "джазовые вариации", не только у легендарных Евгения Болотинского, Аркадия Астафьева и Николая Голощапова. Они сохранялись в карнавальном городе южного города, в интонационной неповторимости одесской речи, в парадоксальности одесской иронии, в "Комедия дель арте" одесских дворов и коммунальных квартир...

В этом климате проходила молодость. Память об этом хранит Михаил Обуховский, уже двадцать лет живущий во Франции, в Лионе. И там, во Франции, он находит и сохраняет, передает нам, своим землякам, след и память Одессы — французскую Одессу или Одессу во Франции.

К сожалению, я не могу посоветовать читателю броситься на поиски этой замечательной книги. Изданная небольшим тира-

жом, она преподнесена в дар от имени Миши Обуховского его друзьям. Одно утешение — страницы текстов книги знакомы неравнодушному к своему городу читателю, потому что публиковались на страницах альманаха "Дерибасовская-Ришельевская", газеты "Всемирные одесские новости"... Собранные же вместе, под одной обложкой, эти страницы создают своеобразный портрет города и самого автора.

К какому жанру отнести эти страницы? К воспоминаниям, к художественным очеркам? Наверное, лучше всего здесь подходит емкое французское слово "эссе", ставшее у нас по-настоящему популярным с легкой руки Ильи Эренбурга, с его "Французских тетрадей", изданных чуть более полвека назад. Эссе — краткая, легкая, личностная проза, не похожая на академическую статью и на утомительные подчас мемуары. Одним словом, "Опыты", как переведено на русский язык знаменитое сочинение Мишеля Монтеня.

Так вот, книга Михаила Обуховского — его "Опыты", в которых, по Пушкину, много "ума холодных наблюдений и сердца горестных замет". Хотя "горестных замет" больше...

Не скрою, читать страницы, где все знакомо, где живут Саша и Рита Ануфриевы, Юлик Златкис, Лина Шац, где упоминается кулинарное искусство моей свекрови, наконец, мой небольшой портрет, написанный Ануфриевым (в репродукции он кажется большего формата, чем в действительности), — удовольствие ни с чем не сравнимое. Строка Мандельштама "И сладко нам лишь узнавая миг" подтверждена много-

кратно. И все же в книге Миши Обуховского мне не менее, а в чем-то, признаюсь, даже больше интересны его "французские тетради".

Как не похожи они на поверхностные туристические заметки в современных глянце-вых журналах!

Это прогулка с вдумчивым и утонченным собеседником по выставкам и музеям с интереснейшими людьми, будь то художник из Нанси Жерар Тон, выставка которого в Одессе (устроена стараниями автора книги еще в его одесской жизни) стала одним из запомнившихся событий в жизни тогда еще неизбалованного города, Дина Верни — любимая модель великого Майоля. Талантливый во многих ипостасях, Миша Обуховский оказался еще и талантливым дедушкой. Его воспитание — внук сказал: "Дед, смотри, здесь пишется Одесса". Так Миша с помощью внука увидел в одной из галерей Версаля картину неизвестного ему (да и всем нам) художника Эмиля Гиршфельда, родившегося в Одессе в 1867 году и умершего в бретонском городке Конкарно. Не только увидел, но со страстью исследователя узнал и написал прекрасное эссе ("опыт") о малоизвестном во Франции, что уж говорить об Одессе, художнике. Добавил еще веточку в лавровый венок былой одесской культуры.

"Каждый пишет, как он дышит". Анатолий Контуш написал свой замечательный очерк о "парижской Одессе". И Обуховский, путешествуя по следам Модильяни, неожиданно для себя обнаружил "два небольших квартальчика, затерявшихся в шуме бульвара

Монпарнасс" — "Rue d'Odessa" — Улица Одессы! И кафе с таким же названием... Обуховский изменил бы себе, если бы не выяснил дотошно, когда появилась и почему эта улочка в 14-м округе Парижа. Все Крымская война 1854 года, как и наша знаменитая пушка на Приморском бульваре.

Парк Монсо. Золя, Тургенев, Флобер, Виктор Некрасов так или иначе связаны с этим волшебным парком. "Кусочек Эдемского рая" — называет его Миша Обуховский. Его эссе "Одесские корни Моделей Ренуара" читаются с тем же восторгом, как в детстве читались романы Дюма. Увлечательное повествование о Моисее Камондо, потомке древнейшей фамилии испанских сефардов, и его брате Исааке де Камондо, о коллекциях импрессионистов и постимпрессионистов, подаренных Лувру, об одесских зерноторговцах и финансистах — семье Эфрусси, обосновавшейся в Париже. Шарль Эфрусси был другом Ренуара. Так возникли портреты девочек из семейства Эфрусси, написанные Огюстом Ренуаром. История семьи — от Иудеи, Испании, Одессы, Парижа до Освенцима. И до музея в Сан-Паулу, где хранится двойной портрет девочек "Розовое и голубое".

От книги не хочется отрываться. И хочется ее перечитывать, но нельзя же ее пересказывать, как нельзя пересказать "джазовые импровизации" Обуховского в заключительной части книги. Эти эссе, "опыты", в которых живопись, архитектура, люди, еще раз вернули меня к Осипу Мандельштаму:

А те, кому мы посвящаем опыты,
До опыта приобрели черты.

Мария ЧЕРТКОВА

Воспоминание о встрече с Конецким

Лет восемь назад в колонке редактора одесской газеты "Слово" сообщалось, что этот мир покинули английская королева-мать и русский писатель Виктор Конецкий. Не имея чести общаться с Королевой, я поклонилась ее памяти и с благодарностью (в который раз!) подумала о роскоши общения с Виктором Викторовичем Конецким и его мамой Любовью Дмитриевной. Тогда же оживила в памяти и на бумаге январский день 1966 года, который провела в Ленинграде на Петроградской стороне, в квартире 20 в доме № 36 по улице Ленина.

В начале далеких 60-х впервые взяла в руки тоненькую книжечку — "Завтрашние заботы" В. Конецкого, еще не зная, что обретаю одного из любимых моим поколением авторов. Любимого на всю жизнь. Безыскусная, чистая манера письма завораживала.

Я выбрала этого писателя сердцем, как друга и собеседника, и ни разу не обманулась, не разочаровалась.

Начало 60-х — время Аксенова, Гладиллина, Казакова, Конецкого... Мне повезло: я работала тогда в большой библиотеке, и у меня были наставницы, которые открыли девочке огромный мир нужных книг. Тогда мы читали всех молодых авторов запоем. Отдавая дань благодарности каждому из них, мы вытирали "своих".

После "Завтрашних забот" радостным было ожидание каждого нового рассказа или повести Конецкого. Его герои оживали в моем воображении, становились близкими знакомыми, друзьями.

И вот появилась повесть "Соленый лед". До этой повести мне не приходила в голову мысль о знакомстве с автором. На третьем курсе настала пора выбирать тему для курсовой работы по современному русскому языку. Тему "Профессиональная лексика в повести В. Конецкого "Соленый лед" я буквально выпросила: все-таки не многие тогда знали имя писателя. Но благодаря нашей замечательной Галине Михайловне Мижевской, руководителю работы, мне не было отказано в выборе.

Шальная мысль о том, что автор — просто человек, который живет где-то рядом (в Ленинграде), поразила меня. А дальше... Письмо в адресное бюро Ленинграда — ответ милых сотрудников — письмо Виктору Викторовичу с просьбой-вопросом о возможности моего визита и... — совершенно удивительный ответ: приходите, пожалуйста, в такой-то день, в такой-то час.

И вот — студент январский Ленинград. В чемодане — наброски курсовой работы.

Волнение страшное: мне предстоит встретиться с настоящим писателем, да не просто человеком, пишущим книги, а с тем, чьих героев считаю родными, близкими, любимыми.

Тогда бы записать все, а сейчас уже, конечно, по памяти, которая, надеюсь, не поведет.

К дому № 36 пришла заранее, нашла нужный подъезд и грелась у горячей батареи, репетируя свое поведение и хорошие слова. От волнения сердце колотилось в горле, обе перчатки были надеты на одну руку, а когда в назначенный час нажала кнопку звонка, оказалось, что перепутала подъезды и даже корпус. В страхе, что опоздаю, помчалась по другой лестнице в другом подъезде.

Дверь открылась — меня встретили так тепло, открыто, радушно, что (слава Богу!) забылись все заученные слова. И волнение ушло: казалось, что именно меня давно ждали в этом доме. Встретили не по летам и заслугам и Виктор Викторович, и Любовь Дмитриевна — мама. Во-первых, любили они нашу Одессу, во-вторых, была я для них смущенной девочкой, в-третьих (наверное), почувствовали, как счастлива я быть в их доме, и как бескорыстно и искренне открылась моя душа для общения с ними. А главное — Конецкие были изначально добры и внимательны к людям, еще проще — любили людей.

С годами все больше понимала, как много добра, тепла, любви щедро отдавали они миру. В моей душе недолгое общение с радушными хозяевами квартиры № 20 оставило ощущение тепла, неподражаемой искренности и... вины перед ними. Хотя в чем моя вина перед светлой памятью Любовью Дмитриевной, а теперь уже и Виктором Викторовичем?

Скорее даже не вина, а досада на собственную черствость: не полетели в их дом ни благодарные письма, ни поздравительные открытки, которые в былые годы мы так щедро десятками бросали в почтовый ящик. Знаю, что боялась навязываться Виктору Викторовичу, который мгновенно отвечал на все (как я понимаю) письма.

Но настоящей моей вины, конечно, нет. Минуту с тех пор 44 года читательской любви, преданности и верности Писателю, радостного ожидания новых его книг и того чтения между строк, которое мне подарил день... января 1966 года.

Любовь Дмитриевна — Мама! Серебряный шелк волос, негромкий голос. Ее глаза согревали, успокаивали, мягко спрашивали и строго ждали ответа. Ничего тогда еще не зная о маме Виктора Викторовича, я чувствовала ее величие, необыкновенную тайну, обаяние мудрого, глубоко знающего жизнь человека.

Виктор Викторович! Его проза так волшебна проста для благодарного читателя, она погружает в чистый светлый поток жизни. Герои Конецкого такие разные, но автор добр и открыт изначально ко всем. Хотя бесспорно, его любимые герои — люди чести и достоинства. Когда героями писателя становились собаки, он и их уважал, любил и ценил, как добрых людей. В ту холодную зиму Виктор Викторович исправно носил на причал суп в котелке — для собак. И не только в те дни, когда стоял вахту.

Говорили, говорили... Я чувствовала, что говорю с родными людьми после разлуки. Меня не то чтобы не торопили — не отпускали. Говорили за чаем, за обедом. На обед подали гороховый суп с сосисками. Более вкусного супа я не ела никогда.

Виктору Викторовичу было интересно все: что читаю, какими авторами болею, как учусь, есть ли у меня парень, и отчего вдруг девчонка выбрала "Соленый лед"? Наверное, так предполагал он, это влияние приморского города Одессы.

Любовь Дмитриевна была убеждена, что гостю нужно повести в театр. Но в театр было сложно попасть, и Виктор Викторович повез меня в Дом кино, где показывали фильм "Семь дней в мае". Пока я смотрела американское кино, он с удовольствием удалился в буфет. Потом усадил в такси и сказал: "Заходите попрощаться".

Когда говорили о книгах и писателях, это был разговор читателя с читателем на равных. И в новом свете предстали его читательские привязанности и доверительный дружеский разговор со студенткой о Чехове и Лермонтове, о Генрихе Бёлле и Хемингуэе, о Льве Толстом, Паустовском, о Сент-Экзюпери, Юрии Казакове...

— Любите Белля? Меня он тоже поразил и захватил, его книги такие тонкие, столько в них лирики... А познакомился с ним — совсем не тот человек, которого я представлял, — прямолинейный, все в лоб, а главное — ни капли юмора, который делает его книги добрыми, человечными. Белль полон боли и надежды. Что за тайна скрыта в каждом писателе!

Позднее я всегда вспоминала их — Любовь Дмитриевну и Виктора Викторовича, а не только его — Виктора Викторовича. Связь между сыном и матерью поражала высотой духовной силой, и даже девочкой я понимала это. У меня и пример был — любимый Конецким Сент-Экзюпери и его любовь к матери. Открывая книги Конецкого, я между строк находила свидетельства особых отношений Виктора Викторовича с мамой. В памяти возникали их улыбки, слова, полуслова, взгляды, которыми они обменивались.

Когда я стала мамой двух сыновей, поняла и оценила это еще сильнее. Для меня проза Конецкого так же высока и чиста, как его сыновья и человеческая преданность матери.

И снова — Любовь Дмитриевна, строгая и ласковая, несуетная, излучающая свет.

И — Виктор Викторович — в моей памяти навсегда тридцатисемилетний (когда он ушел, я с удивлением поняла, что на 73-м году): неброский, по-морскому спокойный, с голосом ровным и негромким, с характерным "в" вместо "л", с единственно возможной для него искренней и уважительной интонацией, с чувством юмора в составе крови. Конечно, писатель с годами менялся, в его книгах юмор часто граничил с болью, появились горькие страницы о войне, его мудрость и знание жизни, его мужество и стойкость рождали иные строки, не похожие на лирические краски ранних рассказов. Но мне посчастливилось увидеть Конецкого в первое десятилетие его творчества. Хотя и в тот короткий-длинный день я почувствовала, что Виктор Викторович и Любовь Дмитриевна несут в себе глубокую щемящую боль.

О своих и прочитанных книгах Конецкий мог говорить бесконечно. Но курсовая работа была ему не очень интересна. Может быть, не верил, что смогу осилить тему? Странно ли было, что девчонка говорит о труде моряков? Правда, он был не против того, чтобы работу прислала, но я не решилась сделать это, хотя уверена, что он прочел бы, и ответ пришел бы.

Много лет спустя мой старший сын отправил Виктору Викторовичу свои юношеские стихи. Ответ, теплый, человечный, уважительный, пришел, как всегда, — мгновенно.

А через двадцать лет, прочитав "Никто пути пройденного у нас не отберет", я сама вдруг неожиданно для себя написала и отправила Виктору Викторовичу письмо, большое, полное благодарности за все. И ответ пришел. Коротенький, но, как всегда, мгновенный, теплый. Это дорогое для меня письмо сохранилось. Есть в моей домашней библиотеке и две книги Конецкого, подаренные автором в тот день, когда я была гостьей в квартире № 20.

Часто я задаюсь вопросом: с честью нести тяжелую морскую службу, быть "Отечества достойным сыном", отдавать душу героям своих книг и всегда с уважением отвечать на письма чужих людей — много ли таких писателей? Или для Виктора Викторовича не было чужих людей?

Если бы нужно было сказать о писателе Викторе Конецком только несколько слов, то это были бы слова: цельный, равный себе как личность и писатель.

Валерий БОДЫЛЁВ

ФОРЕЛЬ РАЗБИВАЕТ ЛЕД

"Оттепель" закончилась, как это обычно не раз происходило в России, — вялым замечанием очередного "серого кардинала": "Надо подморозить". Лед сковал реку жизни, и никто не знал, что происходило там, внутри. Если все же отвлечься от исторических аллюзий и локализовать место описываемых событий, то мы выйдем на феномен "Круга" и его создателя — Юрия Михайлика. В чем заключалась необычность и, пожалуй, уникальность этого литературного клуба? Когда на смену относительно независимым писательским кружкам 20-х годов пришла громоздкая система Совписа, свобода творчества оказалась под контролем. Миновать "Спілку" на пути в литературу было невозможно, но и выжить в этом "ледяном доме", не заморозив чувства и рассудок, было не менее трудной задачей.

Когда бунтовщик Юрий Михайлик, несмотря на формальную принадлежность к секции "замороженных", открыл своего рода Телемское аббатство, в руководстве, по-видимому, посчитали, что, как и обычно, все сойдет на нет, сморщится, как проткнутый пузырь. Но история оказалась непредсказуемой — ведь Клио все-таки женщина. Гордящаяся своим статусом государственного установления, "талантами" титулованных членов, "Спілка" сдулась, не оставив каких-либо значительных имен. А вот "игра в классики" (литературы, разумеется), которую вел кастальский магистр Юрий Михайлик, оказалась серьезным делом — многие из его учеников известны в тех странах, куда они попали волею судьбы.

Здесь вполне уместны несколько соображений о судьбах поколений. Наше, на стыке 70-80-х, всю свою пассионарность за невостремленностью в других областях (политика или экономика) обратило на искусство. Многие молодые люди, совершенно не рассчитывая на то, что их усилия будут признаны, усердствовали на подмостках самодеятельных театров или раскрашивали холсты в затхлых подвалах. Скрытая мощь сжатой пружины, угрюмое молчание большой воды, подпертой завалом. Чуть заметное подрагивание почвы перед грядущими тектоническими сдвигами.

А мы были — нет, не буреветниками над вздымающимся океаном, а скорее золотыми рыбками, аристократической форелью, мечущейся в стеклянных банках в предчувствии надвигающегося слома привычных пластов жизни. Мы толк-

лись у дна замерзшей реки — обсуждали что-то из своих новелл и поэм, обменивались мыслями о прочитанном — словом, занимались какими-то незначительными вещами. Полурассеянная мгла зимней воды, серая непроницаемая толща льда. Мы не могли толком рассмотреть друг друга, да и нас не замечали.

Размеренная жизнь придонного царства, взвесь тины, мутность воды, неясность, неопределенность. Мы и представить себе не могли, что за все эти годы пребывания внутри очерченной ситуации уже сложились как личности.

В те годы подводного царства наше сознание было двойственным. С одной стороны, играя в какую-то залихватскую игру, мы все представляли себя состоявшимися, а с другой — мы все-таки сознавали, что наш "Круг" замкнут в себе самом. И тем не менее, мы строчили романы, не думая об их издании. Нигде, кроме газет, мы не печатались, пребывали в тени и поэтому появление (впервые с 20-х полувольтных годов) целого поколения литераторов, отнюдь не выпестованных "Спілкою", вопреки всем ее ухищрениям, было совершенной неожиданностью.

Сборник "Вольный город" — детище ОМК — оказывается, скрывал своего рода Латинский квартал, населенный множеством интересных авторов.

Почему творчество многих из нас оказалось по-настоящему зрелым, отчасти сходным с рождением Афины? На всех наших более чем 10-летних занятиях Юрий Михайлик вел нелицеприятный и довольно жесткий разговор. Скорее всего, он знал цену каждому из нас, но авансов не раздавал — они бы повредили "юным дарованиям". Представляете молодого литератора, превознесенного до небес в условиях, когда даже стенгазеты подвергались цензуре? Поэтому успех "Вольного города" вовсе не вскружил нам головы. Искренне удивившись — "Надо же!" — мы продолжили свою учебу у Мастера, не кичась достигнутым.

Кстати, о Ю. М. мы, в общем-то, знали, что наш руководитель пишет неплохие стихи. Но один факт просто ошеломил нас. Уже перед самым отъездом вдруг выяснилось, что текст знаменитой "Эта рота", которую приписывали не то Галичу, не то Высоцкому, принадлежал Ю. М. Мы не подозревали, что большая литература все эти годы была рядом, в одном пространстве.

Но вскоре произошло так, что пространство перестало связывать нас. Правда, в утешение мы можем воскликнуть,

подобно Сенеке в письме к Луцилию: "Одно лишь время наше!". "Круг" разомкнулся — 20 его участников, включая основателя, находятся вне Одессы. Так, на Земле Обетованной оказались Белла Верникова, Сусанна и Феликс Гойхманы, Павел Лукаш, Петр Межурицкий. За океан, вслед за героями своего стихотворения "Закрытие Америки", отправилась Рита Бальмина, рыжеволосая художница с одесского Монмартра. Там к тому времени находились Анатолий Гланц и Марина Нечаева. В Нью-Йорке ей удалось попасть если не в "Круг" (он единственный), то, по крайней мере, любительский литкружок, где ей довелось встретиться с И. Бродским. Место среди американских "акул пера" нашел Дима Ярмолинец, в "Новом русском слове". Где-то в Бронксе или Манхэттене затерялись следы нашего единственного драматурга Саши Штрайхера, на квартиру которого по бывшей улице Воровского мы обычно заходили полным составом после очередного заседания клуба. Это уже позже главной и последней штаб-квартирой "круговцев" стал приют Саши Молчанова на Южной. Не так давно его видели насельником одного из монастырей Оптиной пустыни.

В Европе также оказалось несколько "круговцев". В Германии пребывают Володя Дризо и Аня Ройтбурд. Поблизости от них, в главном городе Генте, преподает славистику в местном университете молодой профессор Алексей Юдин. В Северной столице сосредоточились крупные силы учеников Мастера. Ближайший сподвижник Киры Муратовой, известный сценарист и актер по совместительству, автор засветившихся еще на союзном небосклоне новелл Сергей Четвертков. Там же проживает и Олег Томашевский, автор текстов ко многим "хитам" российской эстрады. Ольга Ильницкая, сочинительница скандальных романов, где при желании некоторые могут обнаружить и себя в том числе, работает в "Новых известиях". В другом, не менее престижном издании — "Литературной газете" — сотрудничает Маша Галина.

К сожалению, за пределами реального пространства, за рекой Стикс находится рано ушедшая Лена Гассий.

Ближе всех к родной Одессе Валерий Юхимов, поэт и редактор одного из киевских журналов. И дальше уже названных скитальцев, на земле "антиподов", в далекой Австралии — человек, когда-то объединивший нас, — Юрий Михайлик. Творец "Круга", в который нельзя вернуться, как не войти в одну реку дважды. Река течет, и это совсем другая вода — открытая и светлая. Форель разбила тяжелый и мутный лед.

Алена ТИЩЕНКО

ОТДАМ В ХОРОШИЕ РУКИ

— Подходите! Подходите! Только сегодня! Грандиозная акция! — надрывно кричала подвыпившая торговка, держа в руках необычный предмет. — Отдам сердце в хорошие руки!

— А чё за сердце? — поинтересовался подошедший мужичок.

— Любящее! Отдам только в хорошие руки. У тебя, поди, они корявые? Вон, смотри, мозоли какие. А оно — нежное и трепетное. Так что проваливай, не по Сеньке шапка!

— Подумаешь, цаца! — сказал мужичок. — На кой оно мне сдалось, сердце твоё, да ещё любящее? — повернулся и пошел своей дорогой.

— Люди добрые! — завопила тетка. — Неужели никто не хочет иметь у себя дома такое чудо?!

— Разоралась тут, дурра! — подошедшая бабка стала тыкать в сердце пальцами. От грубых прикосновений оно съезжало. — Гляди-ка: живое!

— Вот и забирай, чего думать? — предложила раскрасневшаяся торговка.

— Иди-ка ты подальше, у меня дома таких любящих пруд пруди, и всем чего-то от меня надобно. Сердце — товар бесполезный. Задаром возмешь — проку не будет, — и старуха потрусила прочь.

— Да что же это такое! — не унималась торговка. — Гляньте, какое красивое, нежное... Принесете домой, оно вас греть будет.

— Ну-ка, покажи: что там у тебя? — солидного вида мужчина с интересом разглядывал диковинку.

— Бери, мужик, не пожалеешь, — подмигнула торговка. — Для тебя товар!

— Что, говоришь, оно умеет?

— Значит так, — зачастила продавщица, — умеет оно греть в холодную погоду, думать о тебе, заботиться. Плакать, если тебе плохо, и радоваться, когда улыбнется удача. А уж если полюбит тебя по-настоящему, будешь на небесах от блаженства. Любить оно умеет, понимаешь ты, голова?

— Отчего же его до сих пор никто не приобрел? — спросил покупатель с подозрением.

— Да тут какое дело... понимаешь, привязчивое оно слишком, в этом все горе, — неохотно сказала продавщица. — Бывает, находится сердцу хозяин, радуется сначала, но потом обязательно приносит назад. Раньше я его продавала за большие деньги. Покупатели были. Но каждый раз мужики сердце возвращали — дескать, натешились. Хватит! Вот теперь и отдаю просто в хорошие руки — тому, кто сможет оценить всю широту сердечную. Да, видать, не найдется таких смельчаков. Жаль его... — тетка так

расчувствовалась, что слезы покатились из глаз. — Ну что? — обратилась она к мужчине, стоявшему в глубокой задумчивости. — Берем товар? Или как? — на ее лице скользнула ироническая ухмылка. — Слабо?! А?

— Да иди ты! — проворчал мужчина. — Что ты тут вытворяешь? Сначала — любящее, нежное. А теперь на "слабо" давишь! Не могу я вот так, сразу... Слишком уж большая ответственность — держать в доме такое сердце. А если оно не отлипнет от меня никогда? Что тогда делать?! Предположим, надоеет мне его трепетность и нежность. Куда его тогда девать? Я же не изверг, чтобы просто так бросить сердце умирать на морозе, — он потер застывшие ладони. — Дай мне хоть подержать его...

Тетка очень бережно передала ему сердце.

— Теплое... — расплылся в улыбке мужчина.

— Вот и бери! — не унималась продавщица, в голосе которой уже погасли нотки энтузиазма. Она почти умоляла мужика взять товар.

— Теплое, — опять прошептал мужчина.

Вдруг представил, как сердце будет его лелеять и холить, переживать и заботиться о нем. Именно этого так не хватает в жизни. Рутинная и быт высушили мозги. Жена внимания не обращает, дети выросли. Только и есть, что дом да работа. Никакой жизни! Но в голове сразу мелькнула мысль, что кто-то может узнать о его тайной слабости. Начнут разборки, жена примется пилить пуще прежнего, да и дети не поймут.

— Нет, милая!.. — с трудом выдохнул он. — Возьми-ка его назад! — и нехотя передал обратно комочек почти недостижимого счастья. — Пусть этому сердцу найдется другой хозяин, я ему не... — и, махнув рукой, мужчина отправился домой, держа в левой руке полиэтиленовый пакет с торчащим из него батоном и сжав в кулак правую, — чтобы сохранить тепло того сердца.

— Люди добрые! — заголосила тетка. — Да посмотрите же вы на него: ведь сейчас замерзнет! Она укрыла сердце пахнущей рыбой рукавицей и пошла прочь.

— Отдам любящее сердце в хорошие руки!.. Отдам любящее сердце в хорошие руки...

Пронзительный голос продавщицы затерялся в птичьем гомоне рынка.

Я пробиралась сквозь сутолоку торговых рядов, замечая толкающихся людей и не чувствуя боли. Еще совсем утро, а хотелось, чтобы день уже закончился. Или не начинался вовсе... Это было мое сердце.

Полина ТАРАНЕНКО

СВОБОДНАЯ ВОЛЯ

Моя боль — как металл,
и металл — как воск.
Я сама — как свеча,
как свеча из олова.
Я хочу, чтобы ты
погасил мой мозг,
Я хочу, чтобы ты
отрубил мне голову.

Мой огонь
разлучает меня с тобой,
Но затмение
станет моим спасением,
И тогда мы на равных
продолжим бой —
Безголовая Муза
с бессильным Гением.

Хорошо быть героем,
теснясь в строю,
И легко быть собой,
если ты востребован,
Но так трудно быть богом
в чужом раю,
Если ад до конца
был тобой исследован.

В слишком сложных законах
простых миров
Так трагично запутались
наши атомы,
Нас давно бы распяли,
как двух воров,
На одном из скандальных
судилищ Фатума,

Если б мы позволяли
себя судить,
Если б мы не носили
стальные панцири,
Если б нам было легче
насквозь прогнать
На общественной свалке,
чем сохнуть в карцере.

Каждый день — приговор,
каждый шаг — протест,
Каждый сон — обещание
хода крестного,
Но свободная воля —
счастливый крест,
И нести его —
честь для любого честного.

Елена МИЛЕНТИ

В ОТСУТСТВИИ НЕБА ПРОСТРАНСТВО БЕЗЗВЕЗДНО...

* * *

Буксуют мысли, дает осечку
Замерзший клапан, сдвинут прицел.
Где только можно, снег ставит метку,
Не допуская черный пробел.
И с безнадёжной тупой отгадкой
С петель срываая маньячный рык,
Ветер чихнет тривиальной дракой
И на забытый рванет материк.
И я с ним вместе, вот только если

Меня выше крыш поднимет легко.
И коль колебания будут, песни
Спою, что знаю,единой строкой.
И пусть найдут со мной примиренье
Те, кто с детства со слухом в ладу.
Когда летишь, не имеет значения,
Какую мурлычешь в эфир ерунду.

* * *

Упасть в туман, забыть, забыться,
Все мерять меркою и без

И с близорукостью убийцы
Отныне впредь поставит крест
На том, что бросово зовется
Л — многоточие. Мягкий знак.
И от чего уйти непросто,
Как в пропасть сделать верный шаг.

* * *

Наивная, глупая, старая сказка,
Но с ней оживает и радость, и грусть.
Глаза закрывая белой повязкой,

На ощупь входящей в туннель назовусь.
Где нет перспектив,
балансировать поздно,
Где есть только выход, а вход — позади.
В отсутствии неба
пространство беззвездно,
В отсутствии звезд
сквозь туннель не пройти.

* * *

Если закрыть глаза, не обретешь спасенья,
Если сдвинуть виски, боль не пройдет, и все
То, что не уместилось в одно мгновенье,
Спичкой до коробка влажного не донесешь.

Юрий ПОВОЛОЦКИЙ Он дарил нам частичку своей души...

ВСПОМИНАЯ ОБ ИГОРЕ ЯКОВЛЕВИЧЕ МИТРОХИНЕ

Каждый из нас встречает на своем пути множество учителей — школьных и институтских, профессиональных и нравственных. Но среди них непременно находится тот, благодаря которому происходит судьбоносный выбор, раз и навсегда определяющий течение всей последующей жизни. Таким человеком для меня стал Игорь Яковлевич Митрохин.

Наше знакомство произошло в конце ноября 1973 года, когда учительница сольфеджио и музыкальной литературы ДМШ № 2 Наталья Ивановна Семенкова-Онишук, прослушав мои первые сочинения, настойчиво порекомендовала серьезно и целенаправленно заняться композицией. Так я впервые переступил порог Одесской консерватории имени А.В. Неждановой. Незадолго до этого там была создана экспериментальная группа, целью которой являлось обучение и развитие детей, обладающих яркими музыкальными способностями. Руководил группой старший преподаватель кафедры теории музыки Игорь Яковлевич Митрохин. Меня встретил коренастый, уже немолодой, но подтянутый человек с орденами планками и значком "Мастер спорта СССР" на лацкане пиджака. Поиграв ему несколько своих опусов, я тут же получил первое задание и уже с нетерпением ждал следующего воскресенья.

Именно по воскресеньям проходили занятия в нашей школе, где помимо композиции мы посещали также уроки по теоретическим дисциплинам, которые вели студенты консерватории. Поначалу группа была немногочисленной, но за сравнительно короткий срок разрослась до полутора десятка юных талантов. Митрохин не устраивал строгого отбора, принимал всех, понимая, что любому дарованию необходим срок, чтобы раскрыться, развиться, и, возможно, впоследствии превратить увлечение в свою будущую профессию. Оглядываясь в далекие уже от нас семидесятые с высоты дня сегодняшнего, с радостью отмечаю, что не пропали даром усилия нашего педагога, и стали реальностью его мечты — ведь для доброй половины тех, кто занимался в те годы в классе Игоря Яковлевича, музыка стала и профессией, и судьбой...

Судьба же самого Митрохина сложилась ярко и необычно. Он родился 5 декабря 1921 года в многодетной крестьянской семье, где был девятым по счету ребенком. Спустя несколько лет родители переехали из деревни в Тулу, надеясь, что в городе будет легче прокормиться. Но в то время это было не так-то просто. Все чаще Игорь стал проводить время в компании беспризорников. Поэтому, когда заезжие цирковые артисты, акробаты-вольтижеры Леонид Романцев и Борис Повелко заинтересовались ловким, гибким семилетним мальчиком с тонким музыкальным слухом, родители отдали его им на воспитание. Игорь пробовал себя на манеже в самых разнообразных ипостасях: акробат и жонглер, воздушный гимнаст и клоун. Не счесть мест, где довелось гастролировать Романцевым (по цирковым традициям, трио работало под одной фамилией). В 1933-34 годах во время выступления в Одессе Леонид Романцев встретил свою будущую жену — эстрадную танцовщицу Марию, которая стала названной матерью Игорю.

Войдя в силу, некоторое время спустя он оказался на Одесской кинофабрике (будущей знаменитой киностудии), где в тот момент шли пробы артистов для фильма "Дочь партизана". Конкурс был немаленьким: около 150 девочек и мальчиков проходили собеседование с режиссером Леонидом Маслюковым и, кроме этого, им предлагалось сыграть маленькую сценку из будущего фильма. Для воспитанника цирка, неоднократно выступавшего на аренах в разнообразнейших пантомимах, задание не представляло особой сложности.

В паре с Игорем случайно оказалась девочка по имени Гуля Королева, впоследствии ставшая главной героиней повести Елены Ильиной "Четвертая высота". Именно их дуэт и сыграл главные роли в вышедшем в 1935 году на экраны фильме. Кроме "Дочери партизана" Игорь Романцев-Митрохин снялся еще в шести картинах: "Карл Бруннер", "Солнечный маскарад", "Боевые друзья", "Пантелеевы часы", "Конduit", "Знаете ли вы украинскую ночь?". Съемки в кино успешно совмещались с работой в цирке все предвоенные годы. Когда же настал грозный час, Игорь, не подлежавший призыву как артист, счел невозможным оставаться в тылу и ушел добровольцем на фронт. Победу он встретил в Вене. Воздушный десантник, командир пулеметного взвода лейтенант Митрохин был удостоен двух орденов Отечественной войны 1-й и 2-й степеней и нескольких медалей.

Война стала своеобразным водоразделом между жизнью прошлой и будущей. Не вернулись с поля боя Леонид Романцев и Борис Повелко, Гуля Королева, многие другие коллеги и друзья. С родителями связь была утрачена давно, и лишь спустя многие годы, когда никого уже не останется в живых, Митрохину с трудом удастся навести справки о них...

После войны Игорь продолжал оставаться в группе советских оккупационных войск в Австрии. И, наверное, далеко не случайным для выбора будущего пути оказалось его нахождение в самом музыкальном сердце Европы. Еще в детстве Митрохин самостоятельно научился играть на фортепиано, скрипке, балалайке и мандолине. А затем вместе с соседскими ребятами создал целый оркестр, первое выступление которого состоялось на Ольгиевской улице перед жителями ближайших дворов. Юные артисты исполняли популярные мелодии, подобранные по слуху. Если не помнили какой-нибудь музыкальный фрагмент, Игорь сам придумывал продолжение. Взрослые слушатели, отмечая способности исполнителей, советовали им серьезно заняться изучением нот и музыкальной грамоты. На это дерзкий руководитель оркестра с вызовом отвечал: "По нотам каждый дурак сыграет. А попробуйте без нот!". Но вот наступил момент, когда собственные композиторские замыслы заставили Митрохина задуматься о профессиональном музыкальном образовании.

Он возвратился в Одессу, поступил в музыкальное училище, а после его окончания — в консерваторию, которую окончил с отличием, когда ему уже было за сорок. Тогдашний ректор Серафим Дмитриевич Орфеев предложил Игорю Яковлевичу вести на кафедре теории музыки специальный курс гармонии и сольфеджио. Параллельно с преподаванием он продолжал сочинять музыку для театра, цирковых представлений, инструментальные пьесы для педагогического репертуара и, конечно же, песни.

Несколько митрохинских учеников продолжили композиторское образование в столичных вузах — Московской консерватории и Гнесинском институте. Но Игорь Яковлевич был горячим сторонником того, чтобы также готовились кадры и для своей альма-матер. Именно это и способствовало появлению той самой экспериментальной группы, превратившейся позднее в школу десятилетку, выпускники которой впоследствии могли бы пополнить ряды студентов Одесской консерватории.

На занятиях по композиции одновременно присутствовали как дети младшего школьного возраста, так и ребята, уже всерьез подумывавшие о профессиональном будущем. Тем не менее, несмотря на разницу в возрасте учеников, среди старших никогда не было скучающих или откровенно смотрящих свысока на первые опыты семи-восьмилетних дебютантов. Всем уделялось равное внимание, а услышанное подробно обсуждалось и анализировалось сообща. Вот что писала об этом журналистка Инна Богачинская в статье "Время бегущее, тягучее, торжественное...", опубликованной в газете "Вечерняя Одесса" в 1976 году:

"На уроках у Митрохина не услышишь пустой и, в общем-то, жестокой фразы: "Мне не

нравится!". Он расшифровывает ученикам сложные для них формулы своих мыслей, но никогда их не навязывает. Бывали случаи, когда кто-то из его питомцев получал одно задание, а на урок приносил сочиненное не по плану — скажем, сонату, о построении которой не имеет ни малейшего представления. Даже в этом случае Митрохин никогда не порицает ученика за недисциплинированность, напротив, старается объяснить юному творцу суть самой сложной в композиции формы — сонатного аллегро. И слова находят доходчивые.

— Это как спектакль в театре. Сначала перед нами проходят все основные персонажи — темы сонаты. Потом они вступают друг с другом в дискуссию, в разговор, взаимодействуют. Догоняют друг друга или спорят, веселятся или любуются природой. Но кто-то, чей-то взгляд, чья-то точка зрения на мир непременно побеждает..."

Очень часто новые образы возникали у нас после изучения на уроках музыки литературы тех или иных произведений композиторов-классиков. Воздействовал и сам стиль музыки. Помнится, что в какой-то момент в моих сочинениях стало проявляться устойчивое влияние Гайдна и Моцарта. Игорь Яковлевич, принимая это явление как временное, все же настойчиво советовал "освежать гармонию" и приводил в пример Прокофьева, новизну его аккорды и гармонической логики. Конечно же, Митрохин опирался и на образцы романтической музыки XIX века. Нередко, предостерегая от бесформенных длиннот в наших работах, он играл в качестве примеров наиболее лаконичные из шопеновских прелюдий. Всегда обращал внимание на ясное и убедительное голосоведение Петра Ильича Чайковского. Когда же наступил период освоения современного языка, и в своих опытах мы забирались куда дальше некогда рекомендованного Прокофьева, Игорь Яковлевич всегда поощрял наше воображение. При этом он частенько рекомендовал прислушаться к музыке Шостаковича и Щедрина, Бартока и Хиндемита, других композиторов второй половины XX столетия, рассказывал о тех или иных направлениях и их наиболее ярких представителях.

Творческие отчеты учащихся заслушивались на заседаниях кафедры теории и композиции, и тогда экзаменаторами выступали Игорь Ассеев, Александр Красотов, Тамара Сидоренко-Малюкова... Регулярно в те годы устраивались различные конкурсы, посвященные какому-нибудь очередному юбилею, отмечавшемуся в стране: например, 30-летию Победы или 60-летию Октябрьской революции. И, как правило, наши ученические произведения удостоивались различных премий. Средства массовой информации также уделяли внимание детскому Игорю Яковлевичу. На Одесской студии телевидения существовала программа "Маленькая филармония", в которой периодически принимала участие вся экспериментальная группа. Публиковались статьи в уже упомянутой выше "Вечерней Одессе".

Шли годы, менялся состав учеников. Некоторые продолжали заниматься композицией в школе имени Столярского, другие взяли курс на исполнительские специальности, для третьих музыка не стала серьезным занятием. Разными дорогами пошли и самые одаренные ученики Митрохина. Пианист Алексей Ботвинов, гобоист и дирижер Владимир Дикий, композитор Ирина Ярошевич (Сегаль) живут и работают в Одессе. Выпускники соответственно Московской и Петрозаводской консерваторий, композиторы Аркадий Серпер и Владимир Шинов, переехали в США. В Израиле продолжают творить выпускники Российской Академии музыки имени Гнесиных Борис Пиговат и автор этих строк. Там же находится и талантливый джазовый пианист Дмитрий Шехтер, один из семилетних "малюток", уже тогда обративших на себя внимание. Не могу не вспомнить таких способных ребят, как Александр Максимов и Анатолий Тесля, жизнь которого трагически оборвалась несколько лет назад...

К сожалению, в конце 70-х годов в отношениях Игоря Яковлевича с тогдашним руководством Одесской консерватории наметились серьезные разногласия, которые постепенно углублялись. Складывалось впечатление, что никто не заинтересован в митрохинских усилиях по воспитанию и подготовке новых кадров. В результате в 1982 году по достижении пенсионного возраста ему было предложено уйти, и группа прекратила свое существование. Это было тяжелым испытанием для человека, искренне преданного своему учебному заведению. Но Митрохин умел держать удар и продолжил работу

в музыкальной школе № 8, где с увлечением преподавал более 25 лет.

К тому времени я уже был студентом Гнесинского института (как тогда называлась нынешняя Российская Академия музыки). Когда под руководством Игоря Яковлевича шла подготовка к вступительным экзаменам, то, по сути, мне удалось в индивидуальном порядке пройти тот самый специальный курс гармонии, который читался студентам. Разумеется, гармонией дело не ограничивалось. Наши встречи, проходившие у Митрохина дома, нередко затягивались надолго. Мы много говорили о музыкальной эстетике, расширении границ творческого диапазона, пытались представить развитие музыки в обозримом будущем. Все это было очень важно и ценно для меня. У Игоря Яковлевича была большая музыковедческая библиотека. И часто его суждения подкреплялись фрагментами из открываемых в нужный момент книг. Он рассказывал мне о своих встречах с Исааком Дунаевским, о творчестве которого в свое время намеревался написать работу. Показывал переписку с Арамом Хачатуряном. Горячо поддерживал мое намерение продолжить учебу у выдающегося педагога Генриха Ильича Литинского. Первые оркестровые произведения я также сочинял под непосредственным руководством Игоря Яковлевича. Его колоссальный опыт помогал постигать премудрости инструментовки для различных инструментальных составов. Нередко я пользовался его советами и помощью уже в студенческий период. Связь между нами не прерывалась. Приезжая в Одессу на каникулы, я всегда приходил к нему со своими новыми работами. Несколько раз и он навещал меня в Москве.

Со временем все реже и реже доводилось бывать в своем родном городе, а затем я переехал в Израиль. И долгих 19 лет прошло, прежде чем снова увидел Одессу. Это произошло в июле 2008 года. С трепетным чувством я ждал встречи с дорогим мне человеком. Игорю Яковлевичу исполнилось на тот момент уже 86. Он похудел, было заметно, что годы берут свое. И все же остались блеск в глазах, потрясающая подвижность молодого человека, живость восприятия происходящего. Он внимательно слушал музыку в записях, в живом исполнении, задавал вопросы... Вместе вспоминали общих знакомых, коллег, учителей. И было ощущение, что мы оба получаем огромный энергетический заряд друг от друга.

А несколько дней спустя мы встретились снова, и Игорь Яковлевич принес копии газетных статей, некоторые фотографии, рукописи небольших фортепианных пьес, написанных в последние годы (любопытно, что среди них были как простенькие миниатюры для начинающих, так и сложнейшие опыты в додекафонной технике — все ему было интересно!). Словно было у него предчувствие, что эта встреча — последняя... Долго мы не могли расстаться. Он говорил, что мечтает прожить еще лет пять, как раз до 100-летия родной консерватории...

Несколько раз потом мы разговаривали по телефону. Вскоре случилось несчастье — тяжело заболела его жена, и все силы теперь отдавались уходу за ней. Минувал 87-й день рождения, наступил 2009 год... И снова я собирался в Одессу, где в конце апреля предстоял мой авторский концерт в филармонии. Но Игорю Яковлевичу уже не довелось присутствовать на нем. В марте его не стало. Произошло это как-то быстро, не все даже заметили его уход...

Когда-то давно одна из знакомых Митрохина отозвалась о нем как о романтике. И действительно, впоследствии я неоднократно убеждался, что полет воображения, импровизационная стихия неизменно преобладали у Игоря Яковлевича над так называемым рациональным началом. Море и природа служили для него наиважнейшими источниками вдохновения и творчества. Не будучи урожденным одесситом, он был бесконечно предан городу, ставшему для него родным. Разделяя моральные ценности своего фронтного поколения, всегда при этом трезво оценивал многие далеко не однозначные явления нашей жизни.

Возможно, он мог бы добиться и большего. Так и не став членом Союза композиторов, не сделав солидную академическую карьеру, Игорь Яковлевич, тем не менее, никогда не сетовал на судьбу, был щедр по отношению к более удачливым коллегам. Не стремился удержать подрастающих учеников, а наоборот, с радостью благословлял их, когда они устремлялись совершенствоваться в своей профессии. Он дарил нам частичку своей души. И таким останется в памяти навсегда.

Иерусалим, февраль 2010 г.

Гая МАРКЕЛОВА По случаю одного юбилея

Книга "Поэт Бродский и художник Дронников" издана в Одессе в издательстве "Друк" поэтом Игорем Потоцким (другом художника Дронникова), содержит в себе статьи и воспоминания различных авторов, рисунки Дронникова, стихи Игоря Потоцкого, посвященные Дронникову, и является небольшим вкладом в "бродскиану" в канун его юбилея.

Прикоснуться, прижаться, зацепиться за краешек чужой славы — несомненный соблазн, дьявольское искушение, тем более что слава-то эта чистейшей пробы. Как на банковском слитке пропечатаны три девятки, так с именем этого поэта перед глазами встают кадры кинохроники получения премии, и ты внутренним слухом слышишь его голос, произносящий нобелевскую речь. Знаково, что на это событие он повязал галстук другого лауреата, так и не получившего свою премию (Бориса Пастернака). Вся многострадальная русская (советско-диссидентская) литература получала тогда эту премию вместе с ним, оттого-то так слитно с именем Иосиф Бродский — лауреат Нобелевской премии. Так трудно удержаться и не поддаться искушению озвучить, как ты дышал одним воздухом с ним, как курил одну сигарету, как случайно споткнулся о ноги будущего лауреата...

Именно поэтому я с великим недоверием отношусь ко всяким мемуарам, ко всему, что поднято с глубин памяти уже с оттенком нашего позднего знания, когда фокусируется не только собственно событие, но и личная заинтересованность (а вдруг и на мне заблестят блески тех золотинок или хотя бы отблеск той славы?).

И вдруг у меня в руках оказывается небольшая книга "Поэт Бродский и художник Дронников", изданная у нас, в Одессе, в издательстве "Друк", другом художника Дронникова поэтом Игорем Потоцким. Ценность этой книги в том, что это свидетельства без всякой оглядки. Эти рисунки сделаны с 1978 по 1996 гг. "Все рисунки с натуры, все сделано во время его выступлений. Техника разная, разная и бумага, вплоть до размеров открытки... Литографский карандаш, мягкий карандаш, грифель, кисть китайская, тушь, цветная шариковая ручка, фетр. И только в первых рисунках была подкраска в мастерской, чтобы передать его плешивость и небрежность его занесенной одежды. Мягкий, не по плечу большой, криво висящий пиджак, покрытый перхотью от волос, висящих, как патлы, — так просто и откровенно пишет Дронников. И далее: — Бродский прекрасно знал и видел, что я рисую".

Тем эта книга как раз и ценна, что все зарисовано и записано документально и от чистого сердца, автор жалеет только о том, что не записывал строки стихов, которые читал в это время поэт. Но вот интересно, что когда берется вспоминать талантливый человек, которому подарено емкую жизнь и столько встреч, то концентрация фактов становится предельной. Жизнь русской эмиграции в Париже, судьбы стольких значимых фигур русской истории и культуры проплывают перед глазами. Тут и портрет Синявского, Кишилова, Максимова, Н. Струве, Эткинда переплетаются с воспоминаниями о Веронике Шильц, подруге, опекавшей Бродского и после его кончины. И очень честный рассказ Евгения Голубовского о причине пребывания Бродского в Одессе, и настроения поэта в тот последний, прощальный вечер органично входят в канву повествования. Превосходно и то, что не обошли издатели и скандального стихотворения Бродского "На независимость Украины", прочитанного 28 февраля 1994 в США.

Эссе Игоря Кричука об этом событии заканчивается, на мой взгляд, пророческим пассажем: "Его стихотворение — заметный пограничный столб, демаркирующий едва наметившуюся границу, в то время как ее не отваживаются или демонстративно не хотят замечать многие политики. И вместе с тем, здесь Бродский в который раз ставит под сомнение саму возможность наличия пограничных столбов не на местности, а в культуре". Поэты действительно живут в особом пространстве, созданном ими непосредственно, в континууме поэзии. И границы его никак не совпадают с пограничными столбами и боем курантов.

Но да простит меня
Читатель добрый, если кое-где
Прибавлю к правде элемент искусства,
Которое, в конечном счете, есть
Основа всех событий (хоть искусство
писателя не есть искусство жизни,
а лишь его подобье).

"Посвящается Ялте", И. Бродский

Поэт был в нашем городе. Вот что он свидетельствует:
И по восставшей в свой кошмарный рост
Той лестнице, как тот матрос,
Как тот мальпост,
Наверх, скребя
Перила, скулы серебра
Слезой, как рыба, я втащил себя.

"У памятника Пушкину в Одессе"

И прекрасно, что именно в Одессе вышла такая книга в канун семидесятилетия со дня рождения поэта, который отмечен 24 мая и в Петербурге, и Париже, и в Венеции, и в США, везде, где ценят "изысканную словесность", как принято было говорить раньше. Интересно, как это событие отмечено в Одессе, городе, который раньше так неоднозначно отнесся к поэту.

Валентина ГОЛУБОВСКАЯ И больше звуков нет на целом свете...

Прошли те времена, когда стихи и даже поэмы запоминались легко, "с листа". Теперь во время бессонницы пытаешься вспомнить стихотворение, но наряду с запомнившимися сразу строчками возникают лакуны. Мучительно пытаешься их вспомнить, чтобы все строки и строфы стройно уложились в голове. Включать свет не хочется. Но, зная, что последнее из произведших тебя стихотворений непременно придет к тебе ночью, я придумала простой способ, не включая свет, повторять и запоминать оказавшиеся на околице памяти строчки. Распечатанное стихотворение я кладу в ящик стола, за которым сижу на кухне в темноте, с сигаретой и остывшим чаем, затем, подсветив мобильным телефоном листик со стихами, наконец, запоминаю все строки. Стихотворение становится "моим", оно поселилось или проросло во мне, теперь можно каждую строчку, каждый образ, каждый его звук и знак высвечивать крупным планом, замечать детали, не оцененные в ярком свете дня.

Так было и со стихотворением "Млечный путь. И в поисках ночлега век из века тащится телега..."

Я люблю стихи Юрия Михайлика. Люблю давно — и те, что были написаны в Одессе, и те, что он пишет в Сиднее. Вот одно из последних стихотворений:

Млечный Путь. И в поисках ночлега
Век из века тащится телега.
Притяжение и отторжение —
Лучший принцип для передвиженья.
По обломкам рухнувших империй,
Через гравий вер и суеверий —
Колеса дробящее круженье —
Отторжение и притяженье.
Это было болью и любовью,
Нашей стариной и нашей новью
На камнях Египта или Рима...
Все теперь без нас. Отдельно. Мимо.
Ибо нам разрешено судьбою
Только то, что можно взять с собою,
И от Вавилона до Гранады
Виноватых нам искать не надо.
Граждане цыганские евреи,
Мы играли в этой лотерее,
Мы галдели в этом балагане,
Граждане еврейские цыгане,
Странники, изгнанники, бродяги...
Ямы, рвы, канавы и овраги...
И повсюду нам принадлежали

Только те, кто в этих рвах лежали.
По золе Варшавы, сквозь руины,
Через смертный морок Украины, —
Только то, что можно взять с собою.
Что там — кроме нежности и боли?
Что там — кроме памяти и муки —
В узелковых письменах разлуки?
Притяжение и отторжение —
Мировая формула движенья.
Было болью. Остывало было.
Звездной солью.

И подзвездной пылью.

Альтаир, Арктур, Капелла, Вега —
Век из века в поисках ночлега.
Грозный гул. Кибитка кочевая.
...Блеск костра меж звезд опознавая...

Через все стихотворение длится колеса дробящее круженье — от рек Вавилонских до смертного морока Украины.

... "Узелковые письмена разлуки" — первая ассоциация, далекая, — давно исчезнувшее узелковое письмо древних инков. Вроде бы не к месту случайная ассоциация. Но разве не исчезла идишистская культура европейского еврейства, сгинувшая вместе с обладателями этого языка в газовых камерах?..

Алик Бейдерман перестал писать стихи на идиш — некому их читать. Некому. "Узелковые письмена разлуки". Завязать узелок на носовом платочке, чтобы не забыть. Сколько нужно (и нужно ли) платочков и узелков?..

"Узелковые письмена разлуки" — миллионы узелков и миллионы с узелками, в которых было только то, что "можно взять с собою". От вавилонского "разрешения" взять с собой никчемные тряпки и никому, кроме плененных иудеев, не нужные музыкальные инструменты — до зловещих приказов обреченным на гибель "взять с собою" во всех оккупированных городах и местечках...

Когда читаешь стихи в письме, в книге, сначала погружаешься в его содержание, в его смысл, потом откликаешься на то, как это сделано, хоть, конечно, эти два озарения — смыслом и формой — происходят, и мгновенно. Но мне всегда нужно прочесть стихи, словно изнутри, своим безмолвным голосом бессонницы. Тогда открывается потаенное звучание стиха. Так, признаюсь, только выучив наизусть "Большую элегию Джону Донну" Бродского, я проник-

ла в волшебство ее звукописи, особенно первой части, где звук "с" завораживающе звучит в каждой строчке, иногда по несколько раз. Он рифмуется со свечой, стаканом, стеклом, ступеньками, столом, спинкой стула, склонами гор, садом, сугробами, сводом, силлабами стихов, страданиями...

Он рифмуется с вселенским мистическим Снегом, Сном, Смертью...
"И больше звуков нет на целом свете".

Так в стихотворении, читая его наизусть, я обнаружила еще одно "притяжение и отторжение" — звуков "р" и "л".

Эти многочисленные "л" и "р" в русской речи стихотворения невольно заставили вспомнить и строчки Бродского "Блуждает выговор еврейский на желтой лестнице печальной", и уменьшительный суффикс в словах на идише — "момэле", "бобэле", "киндерле", рыжий Мотэле, наконец...

Трагическое "колеса дробящее движенье" — через гравий рассыпающегося, расщепленного времени — усиливается многократно звучащим "р":

Граждане цыганские евреи,
Мы играли в этой лотерее,
Мы галдели в этом балагане,
Граждане еврейские цыгане,
Странники, изгнанники, бродяги...
Ямы, рвы, канавы и овраги...
И повсюду нам принадлежали
Только те, кто в этих рвах лежали.
По золе Варшавы, сквозь руины,
Через смертный морок Украины...

Дальше — неизлечимая и неизмеримая печаль, тихая печаль, окутанная звуком "л" последних строк стихотворения: Было болью. Остывало было. Звездной солью.

И подзвездной пылью.

Альтаир, Арктур, Капелла, Вега —
Век из века в поисках ночлега.
Грозный гул. Кибитка кочевая.
...Блеск костра меж звезд опознавая...

Почему-то эти "эр" и "эль" родного языка показались мне похожими на обкатанные и с острыми зазубринами камешки, с которыми тянется, кажется, бесконечная череда людей в финале "Списка Шиндлера"...

Сергей АЛЕКСАНДРОВ Стихи для новой книги

Уже подходит к дате
срок условный,
Хотя любые ветры по плечу.
Я поднимаю руку —
дайте слово,
Я не сказать,
я высказать хочу!

У солнечной короны
По памяти, без нот
Малютка жаворонок
Отчаянно поет.
И, кажется, ответно
Взлетая в небосвод,
Он держится на песне,
Умолкнет — упадет!

Неизмеримый в метрах,
Секунд незримый счет
Летит, как кинолента,
Пред солнечным лучом.

От первой ноты детства
До примиренья уст
Мы все герои действия,
Хоть зал Вселенной пуст.

И потому я верю,
Не в шутку, а всерьез, —

Что к нам приходит Время
От циферблата звезд.

А здесь морские воды
Вновь на круги свои
Наматывают годы,
Историю Земли.

И радужность, и горе
Растаявших минут
Дождем впадают в море
И в нем еще живут!

В него впадают горы,
Шумящие леса.
Душа впадает в море,
Как птица в небеса.

Душа впадает в ересь, —
Летя за оком,
Она безумно верит
В зачатие свое!

Все возвращается обратно,
Слова и песни, и цветы,
Когда встречаются ребята
Семидесятой широты.
И время спрашивать не надо,
Как оставаться в нем

людьми.

Когда мы вместе —
мы команда
Надежды, Веры и Любви.

Не проиграли жизнь
в наперстки,
Хоть тяготит душевный смог.
Распята мы
на перекрестках
Всех направлений и дорог.
В нас все неясно и неточно,
И лишь слеза

смыкает грим.
Прости нас, господи,
за то, что
Мы ради слова говорим!
Простим друг друга

не для виду
За все ошибки сгоряча.
Какие могут быть обиды,
Кода в душе горит свеча...

На смерть Б. Нечерды

Петляли мокрые аллеи.
Качался траурный мотив.
Путь творческий
был параллелен
Его последнему пути.
До всхлипа
в горле пересохшем,
Рыдали жены и друзья.
Кричали птицы.
Лишь усопший
Лежал, дыханье затая.

Не целясь точно,
без разбору,
В копеечку, как в белый свет,
Толпа
цыганских кредиторов
Просила яростно монет.
Платили все.

Под вспышки блицев,
Топча тропинки и кусты.
Как будто можно
откупиться

От предстоящей темноты...
Ушла под землю
субмарина,

Скользнув
с натянутых концов.
Там отпечатается в глине
Его последнее лицо.

И напечатает в газете
Слезой прошитый некролог.
И кто-то комнату

проветрит,
Где он еще пожить бы мог.
И будет жизнь

метаться в русле,
Стирая строки на песке
На украинском

и на русском,

На человеческом языке!
Не остановится течение...
Но в глубине
прошедших дней
Лежит монета возвращенья
С неясным
профилем на ней...

Михаил КОРДОНСКИЙ Олбанская грамота

Падонки — самоназвание носителей интернетовской субкультуры, единственной реализацией которой, в отличие от большинства других субкультур, является не визуализация, а словесность. На улице падонки ничем не отличаются от цывила (обычного человека): он не носит ирокеза — как панк, хайра — как хиппи, лысины — как скинхеды, не красит фейс фиолетовой краской — как эмо, или черной — как готы. Падонки не ездят на рок-фестивали, ролевые игры или турниры ЧГК, не гоняют по улицам на байках, не разыгрывают флэшмобов. Хотя кто-то из падонкаф (именно так по-ихнему склоняется) случайно может оказаться одновременно и реконструктором или анимешником, и еще кем-то странным, но это просто совпадение — может же у человека быть два хобби одновременно, например, и филателист, и уфолог — одно другому не очень мешает.

Основной транслятор падонкаф — общение на интернетовских форумах, блогах, чатах, социальных сетях и т. п. Они могут общаться на любые темы и отличаются от других неформалов только использованием своего специфического сленга.

Чем "настоящее" слово отличается от сленгового? Можно сказать, что наличием в академических словарях. Но можно сказать и так: частотностью, распространенностью в разных географических и социальных ландшафтах, литературе, СМИ и т. п. Если сленговое слово достигает определенного порога величин этих параметров, оно появляется в академическом словаре. Этим и занимаются академики в редакциях.

А чем сленговое слово отличается от только что придуманного и никому еще не известного неологизма? Да, в общем, тем же. Грубо говоря, а много ли людей его используют?

Как это узнать нам с вами, читатель, не имеющим бюджетов на полевые исследования, опросы, фольклорные экспедиции и другие классические научные методы? Двадцать лет назад было невозможно. Но сейчас появился интернет, число пользователей которого уже соизмеримо с числом всех грамотных людей на планете.

Придумайте неологизм. Теперь наберите его в поисковой системе интернета. Если слово найдется, значит, вы придумали его не первым. А если нет, то вы, конечно, можете опубликовать его в интернете, вставив в свой рассказ, стих или эпический роман. И если ваше творчество хоть кто-то читает, то слово через какое-то время появится в поисковой системе. Один раз. В словари оно не войдет. Даже в словари сленга — их редакции проверяют бытование, частотность употребления слова.

Если придуманное вами слово войдет в оборот и появится в интернете хотя бы несколько сотен раз... а если несколько тысяч... это будет свидетельством вашей писательской гениальности или везучести... Впрочем, кто знает, может гениальной везучести... Официальная наука считает, что автором слов является Народ, в крайнем случае — признанный Народом классики, а булгаковский персонаж поэт Рюхин считал, что Пушкину просто повезло. Это философский вопрос, это недоказуемо, потому теперь давайте перейдем к доказуемому: от авторов и их гениальности к собственно словам и их подсчету их бытования.

Слово "автор" упоминается в интернете 500 млн. раз (здесь и далее по данным поисковой системы Яндекс на март 2010 г.). "Аффтар" — слово из олбанского языка (так гордо называют свой сленг падонки) — 3 млн. раз. Много это или мало? Сравним с другими словами по той же теме.

"Аффтар" употребляется в интернете: ЧАЩЕ, чем слова: солист, пьеса, поэма, симфония, корректор, драматург, сценарист. НАМНОГО ЧАЩЕ (иногда в сотни раз), чем слова: ямб, хорей, сочинитель, партитура, графоман, прозаик, эссеист, романист, сатирик. СОИЗМЕРИМО (не намного реже), чем слова: композитор, критик, абзац, сочинение.

Как вы думаете, этого просто добиться? Если бы было просто, то любой торговец сделал бы так, чтобы название его товара встречалось в интернете чаще товаров конкурентов. Если кто-то тупо напишет на своем сайте какое-то слово хоть тысячу, хоть миллион раз подряд, то поисковые системы его не посчитают НИ РАЗУ! Результат будет противоположным: поисковики весь этот сайт вообще перестанут замечать за недобросовестный метод рекламы — "поисковый спам". Коммерческая реклама в интернете — это размещение названия и описания товара на большом числе читаемых и посещаемых сайтов, владельцы которых берут деньги за рекламную площадь. Для того чтобы добиться высокой частотности слова, нужны или миллионные затраты или, что в нашем случае и происходит, естественные социальные фольклорные механизмы.

Язык падонкаф есть в словарях сленга, но это, пожалуй, не более чем выпендрег редакторов словарей. Словари сленгов вообще — полезны для понимания многих других субкультур. Непросто без словаря понять, что

означает керек, таггинг, холтрейн (у художников граффити), ахоге, бисёдзё, отаку (у фанатов японских мультфильмов), афаик, бнопня, линг (у компьютерщиков). Другого рода сложность — слова, которые в сленге имеют другое значение, чем в бытовом языке. Далеко не всегда и контекст помогает. "Ласточки в зале" у ЧГКшников означают не летающих по комнате птичек, а почему-то ассистентов. Выражение "убить перса" у фанатов компьютерных игр никак не связано с войнами на Ближнем Востоке: "перс" — принятое сокращение от "персонаж игры", чаще всего это какой-то монстр, дракон или маг. А что вы подумаете, услышав слово "лессимизация"? На сленге интернет-рекламщиков оно означает уже упомянутый в этой статье технологический процесс, когда роботы поисковых систем противодействуют попыткам искусственно повысить частотность слова в интернете.

А вот примеры по-падонкафски: Адназначна. Ржунимагу пацтулом. Смилясь всемофисом. Превед, кадила? Аффтар жжот! Пеши исчо! Убей сибя с расбегу агстену вымазанную йадом. Палуци медалько за аццкий отжи! Многобукаф — вайнаимир, йа не асилил. Йа за твой пажизнипаламатый моск ни в ответе. Перевод нужен?

Легенда о возникновении названия "олбанский язык" такова. На падонкафском форуме появился американец (а может, немец), хорошо знающий русский, но не из колыбели, а из университета. Типа славист (а может, ЦРУшник). И спросил: на каком из славянских языков здесь разговаривают? Кто-то ему и отшутил: на албанском. Через несколько месяцев дотошный лингвист сообщил на том же форуме: "Йа выучил олбанский!".

Не все, что с первого взгляда кажется пустым озорством, таковым является. Слово или понятие, разномноженное в миллиардах экземплярах десятками миллионов людей, становится явлением культуры, хотим мы того или не хотим. Оно может быть плохим явлением или хорошим, но оно есть, и с этим приходится считаться.

Ровно в то время, когда возник и укоренился олбанский язык (вторая половина первого десятилетия XXI века), у государственных ведомств России появились очереди за гражданством из стран бывшего СССР, в которых (за исключением Прибалтики), уровень жизни ниже российского. Экзамены на знание языка — стандартная процедура для получения гражданства во всех странах мира. Чиновники и ученые местоблюстители русскости придумывают тесты и проверки, иногда очень неуклюжие и дающие на практике парадоксальные результаты.

Знание олбанского языка вполне могло бы их заменить.

Этот феномен уникален тем, что его понимает без всякого словаря только и только тот, кто не просто хорошо, а очень хорошо знает русский. Тому, для кого это родной язык, не надо переучиваться. (Остальным придется немного подсутиться, сидя к компьютеру, как тому легендарному иностранцу.) Олбанский язык создан не группой чиновных ученых авторов как "тест на русскость", а народом. Механизмы возникновения и распространения любого сленга, наречия, диалекта в принципе фольклорные (от корня "фолк" — народ опять же). Ну да, не всем народом единогласно, а его частью. Насколько эта часть представляет народ? А может, не в меньшей степени, чем любая другая партия (от латинского *pars, partis* — часть)? Вы, читатель, кому больше доверяете — политической части или вот такой — самодельной? Я бы подумал...

От редакции: для любознательных советуем ознакомиться с творчеством поэта-футуриста Ильи Зданевича, который избрал "олбанский язык" еще в начале XX века.

Е. Г.

Вера ЗУБАРЕВА

Не плачь...

ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА

Стучат, стучат подводы, бегут, бегут дороги... Дороги... Сколько же их в одной человеческой жизни? Холод ползет по земле змейкой, чешуя поблескивает инеем. Кому в сердце заползает, тот становится вечным пленником севера. Гонят люди змейку, гонят, но она юркая — то в сны заползет, то в мысли, а оттуда и до сердца рукой подать.

Вот уже который день семья его с колоннами беженцев переправляется Бог знает куда. Бегут почти налегке — самый тяжелый груз не в руках, а на сердце, поскольку незадолго до эвакуации получены были две похоронки — одна на него, а другая на его отца.

Обе-две, в один день. И день стал ночью. Птицей серой почтальон прилетел вместе с декабрьской стужей, стукнул пальцем ключом в дверь, и заплакала дверь, застонала, вспомнила о том, как ствол рубили-распиливали, как дом сколачивали, как ее на петлях прилаживали. А теперь что? От стука этого пошатнулась — в самое сердце пальцем своим острым клыкнул. "Это конец, это конец", — заплакала-заскрипела.

Вышла мать — платок прабабкин на плечах. Давит на грудь, как семейные надгробия. Сколько их выходило вот в этом самом платке вести принимать о мужьях и сыновьях своих? Не от ветра он, платок этот, не от стужи. Холодно в нем, тяжело.

Почтальон два письма из-под крыла молча вынул, отдал, и понес его ветер дальше по бесцветной дороге. А она стоит как вкопанная — уже обелиском стала, и только письма трепещут в руках, как птицы, которым не взлететь.

Два конверта. Оба одинаковые. Такого в жизни не бывает. Жизнь родит все разное, хоть по мелочи, но разное, а если что одинаковое, то это от смерти, это она все сравнивает, сглаживает, все зазубрины, все неровности, все, что одно от другого отличает.

В конвертах холодно. Там ничье сердце не бьется, и привета там ни от кого нет. Мать не обманешь, она и раскрывать не станет. Вот так и будет стоять под этим небом каменным, пока не разорвут ее на клочки самолеты.

— Зайди в дом, Феня, дверь закрой — Женю не ровен час застудишь.

— Мама! — она протягивает оба конверта.

— На стол положи и свечу зажги.

Стол просторный, дубовый, за ним семье никогда тесно не было. У основания, где корни, бабушка восседала, по одну сторону от нее дочь с мужем, по другую дети, а на противоположном конце — никого, только даль в окне.

— Бабушка, что это за письма? Это от папы с Кимом?

— Нет. От папы с Кимом другие письма, не эти.

— А почему не распечатываешь? Бабушка, дай открою!

Свеча забилась, заматалась, тени на стене заплесали мажор.

— Не для твоих это глаз, деточка, сама открою.

Две похоронки лежат на столе, одна подле другой. "Ваш муж"... "Ваш сын"... Все остальное — одинаково в обеих.

— Мама! — вскрикивает обе одновременно, падая грудью на стол.

Нет им утешения. Больше почтальонов не будет, а дом, который обходят почтальоны, превращается в тухлый пень. Уже почти вся улица в таких пнях, почти весь город.

Бабушка садится у основания стола, руки сложены в замок. В окне напротив смеркается, кроме сумерек ничего не видно.

— Муж твой погиб. Не жди его, не вернется. А Ким — жив. Не смей оплакивать его.

Ни слова не добавила больше, ни утешила, ни подбодрила, только дом обвела прощальным взглядом. И ушли они вдаль, смешиваясь с эшелонами.

Из дневника 1941 года

Скоро Новый год. В течение двух недель я имел небольшой так называемый отдых, которым сменилось путешествие Тамань — Джимэты до Новороссийска на

грузовике. Этот сравнительно небольшой участок пути мы прошли в течение трех суток. Как с первого взгляда кажется просто, но когда вспомнишь длинную однообразную дорогу, метель и небольшой морозец, за спиной котомку чуть меньше двух пудов и на ногах порванные сапоги, а впереди и сзади тебя идут еще тринадцать таких же, как и ты, то поневоле становится грустно. Как длинна и однообразна зимняя дорога! Впереди и сзади по дороге, насколько может видеть глаз, столбы и столбы. Столбы без конца... Сколько мыслей приходит в голову в течение этого пути! Мысли набегает друг на друга, и так же быстро, как приходят, тут же и улетучиваются из головы... Но они никак не могут заглушить основную мысль, основной вопрос: когда же дойдем, когда же конец пути?

— Проснитесь, проснитесь же! — она тормошит дочь что есть сил.

Стоны ветра перемешиваются со стонами больных. Кому холодно, кого в жар бросает, кто просто спит тихо, слишком тихо...

— Что, мама? — дочь еще в полусне, ничего не понимает, ежится.

Подводу на каждой кочке подбрасывает, но Женечка спит как убитая. Нет, нет, нехоршее это сравнение, не к месту...

— Береги Женю, слышишь? Береги Женю! Меня оставь, если что, а от Жени не отходи!

Да что вы, мама! Что вы такое говорите! Никогда мы вас не бросим, спите, спите.

Но бабушка тормошит ее, понимает, что та от усталости как в дурмане.

— Слушай, что я тебе говорю, слушай внимательно и запоминай. Что бы ни случилось, оставь меня. Бог обо мне позаботится. А у тебя Женя. Женю береги.

Наконец-то сознание возвращается к ней, а с ним и озноб. Ночь выдалась холодная, промозглость от земли тянется к людским телам. К кому заползает, от того тепло в себя перетягивает и в огонь превращается, а у человека — озноб, зуб на зуб не попадает. Огонь пляшет, пляшет, от одного тела к другому перебрасывается, и тела трещат, как сухие поленья, и земля их к себе тянет, где гниль да мрак.

Бабушка в огне том мечется уже с вечера. Как только зорька вечерняя взошла, так и задрожала она, точно осиновый листочек сухонький. Ни стати бывшей не осталось, ни размеренности движений. Вот-вот сорвет ее ветер с древа жизни.

— Мама, мама, да что ж это вы расхворались нехстати, — дочь ей шепчет.

— Тиф, сыпняк, — кратко говорит доктор и удаляется к следующим подводам, точно почтальон тот серокрылый.

Бабушку снимают с подводы и перекладывают на другую, а их дальше везут. Из пятерых уже двое осталось, птица Сирина...

— Женечка, какая птица Сирина? О чем ты?

— Птица Сирина, птица Сирина...

— Сыпняк, — кратко говорит доктор и снова удаляется.

Мать падает на трясущееся тело дочери, закрывает его, как солдат амбразуру с огнем, и огонь прошивает ее, изрешечивает, ну и пусть, пусть...

Палата белая-белая, из снегов небесных изваянная. И потолки белые, и стены, и постели, а на них — побелевшие люди, прихитшие и обессиленные. Нет больше крови в них, всю отдали огню, вот и белеют в палатах, как лилии. Много, много белых лилий, ими и полы усеяны, и кровати, и раскладушки.

— А где бабушка?

— Пей, деточка, — сестра милосердия, сама белоснежнее всех лилий, дает ей запить белые таблетки белой водой. — Там мать твоя, в соседней палате поправляется.

Идет снег, несет тишину белокрылую. Бабушка там, под снегом, леденеет, не отыскать ее в братском сугробе. Женя беззвучно плачет, и лилии вокруг удивленно шевелятся, раскрываются.

— Не плачь, деточка, не плачь. Погоди, все образуется, — поет ей самая белоснежная лилия. — Бог милостив — видишь, мать жива, и ты скоро на ноги встанешь...

Евгений ДЕМЕНОК

Мыслепад

Интересно, где у человека находятся органы хорошего вкуса?

Восток — тело тонкое.

Девичья честь мундира.

Честь его мундира была столь высока, что он стал бояться надевать его на службу.

Если труд напрасный, но радостный, стоит ли им заниматься?

Кофейная гуща событий и способы гадания на ней.

Держал ухо на пульсе.

В профилактических целях врач назначил пациенту эксгумацию.

Доисторическая личность.

А можно ли поплакаться в бронежилетку?

Самовывоз со склада, самовынос из магазина... Если вулкан не уgomонится, авиакомпании начнут предлагать самовылет из аэропорта.

Он: записной красавец.
Она: записная книжка.

Туфли на нефтяной платформе.

Уровень знания языка: читаю без словаря, но ничего не понимаю.

Объявление: "Уважаемые пассажиры! Перед тем как выйти из самолета, убедитесь, что вы в нем находитесь".

А знаете ли вы, что в Средние века, когда казни были распространены, в магазинах продавались средства по уходу за отрубленными головами?

Чем меньше в зрительном зале стульев, тем больше вероятность аншлага.

А знаете ли вы, что когда яблоку негде упасть, оно зависает в воздухе?

Венец артистического успеха — когда уверенные в аншлаге зрители приходят на концерт со своими стульями.

Ослушник — непослушный человек или ослиный вор?

Он был приглашен на торжественный прием души.

Горячие слезы — новый вид экологически чистого топлива.

Ты — мне, я — тебе. Протокол о намерениях.

Главной его ошибкой было желание учиться на ошибках других.

Агентство персональных достижений "Космо-гон" предлагает: тату и пирсинг астрального тела. Вход и выход в астрал без очереди. Техника астралирования. Астралопитеки.

Беспонтовые (древнегреч.) страны — страны, у которых нет выхода к морю.

Меняю солидный базис на красивую надстройку с видом на океан.

Мои зубы стали такими чувствительными, что плачут во время просмотра мелодрам. Обращаться ли к стоматологу?

Может ли литературный агент быть двойным?

Нужно ли удобрять разумное, доброе, вечное, после того как их посеял?

Семена раздора прошлогоднего урожая уже в продаже. Не пропустите посевную.

Я заметил за собой одну странность. Другую странность я заметил перед собой.

До чего дошли нанотехнологии! Теперь сало можно выращивать прямо на свиньях.

Подрастающая смена белья.

Войти в историю удалось многим, а выйти из нее по собственной воле — никому.

Салон вечной красоты "Одалиска" предлагает эксклюзивные услуги: заливка румянцем, покрытие мурашками, орошение слезами счастья. Наши специалисты владеют сертификатами лучших европейских школ на законных основаниях.

Незаметные заметки. Исповедь скромного человека.

Как все в природе мудро и гармонично устроено! Возьмем, например, зубы. Если с целью экономии зубной пасты чистить по одному зубу в день, то за месяц как раз вычистишь их все.

Пульсирующая творческая жилка превратилась со временем в трясущиеся творческие поджилки.

Ослышки: Выставка работ заключенных нашего университета.

Эффектно разорву тельняшку, нижнее белье на теле казачика.

Как же все-таки низменна Прикаспийская изменчивость и возвышенна Среднерусская возвышенность!

Маркетинговая революция на рынке средств гигиены. Компания "Чисто конкретно" впервые в истории представляет: Средства по уходу за юридическим лицом. Юридическая чистота вашего лица гарантирована. Еще одна новинка — новые эффективные средства для мытья денег. Отмоем ваши деньги навсегда. Домохозяйки, мы обращаемся к вам. Забудьте о мытье посуды — мойте деньги. Это легче и прибыльней.

Одна голова хорошо, две лучше, но соображают почему-то на троих.

Принимать на грудь и принимать близко к сердцу — это одно и то же?

Неприличный жест отчаяния.

Попутный ветер перемен.

Из всех приемов он лучше всего отработал прием на грудь..

Отрезанный ломоть, он оторвался от коллектива и был немедленно унесен ветром за пособием по безработице.

Презентация отрывного календаря "Оторви и выбрось". Оторвитесь по полной.

Он весь был какой-то холодный. И даже рыбу ел только холодного копчения.

Краткость — сестра таланта. Талант — брат краткости. Кто же родители?

Дочернее предприятие артели "Напрасный труд" — литературный кооператив "Напрасные слова".

Известный меценат ищет спонсора.

Можно ли найти с дураком то, что до этого потерял с умным?

Расцвели уж давно хризантемы в аду...

К музыкантам обращаюсь. Кто знает, какие ноты радостные, а какие печальные? "Си", например, или "ре" — радостные? "Ля" — печальная? "Ми" вроде радостная, да? А то слышу все время: "Он закончил свое выступление на радостной ноте". Разобраться хочу.

Весенние советы: "Девушка! Перед тем как оголять ноги, проверь их количественные и качественные характеристики".

Уходя замуж, не забывайте погасить за собой свет.

Говорили ему: "Не ржи над пропастью!" Не послушался.

Вспомнилось выражение "сел в калошу". Это ж каких размеров калоши в царские времена выпускали!

Наш бизнес может себе позволить выйти из тени только глубокой ночью.

Все спрашивают: что тебе подарить, что тебе подарить?.. Все же предельно ясно — приходи в банк, приноси заранее намеченную на подарок сумму и говори: "Погашение процентов за такого-то ко дню рождения!". Такой себе антикризисный вариант получается!

Она была так хрупка, что при переходе дороги ее часто сдувало на обочину звуком автомобильных клаксонов.

Плавал и резвился в море аплодисментов, как молодой тюлень на нересте.

В ходе кризиса многие юридические лица превратились в юридические задницы.

Все знать невозможно. Ничего не знать не получается. Опять половинчатость.

Этапы взросления: сначала первый пушок появляется у юношей над губами, а потом и все рыльце становится в пушку.

А если косую сажень в плечах еще и распрямить!..

Если у вас руки чешутся сделать что-то великое, сходите к врачу — возможно, это аллергия.

А дрель можно назвать музыкальным инструментом?

С развитием медицины и анестетиков болезненное самодлюбие станет совершенно безболезненным.

ЖАРА В ОДЕССЕ

Фотографии Олега Владимирского.